

УМАНЕЦ Станислав Львович

Стихи 1953 года

Чёрт его знает – чего мне надо!
Сердцем я робок и тих.
Где ты, моя неизвестная Лада,
Слышишь ли ты мой стих?
Грустно, так грустно вечерней порою.
Музыка, смех в саду.
Сердце любимой, сердце родное,
В ком я тебя найду?
Поздно, темно, опустели аллеи,
Глупый, брожу одинок.
Тихо вокруг, и прохладой веет
Ласковый ветерок.

Ах, какое счастье
С милой быть в ненастье,
Если так придётся –
Защитить её.
Если любит друга
Милая подруга,
Радостно забьётся
Сердце у неё.
Ах, какое горе
Быть с любимой в ссоре,
Если ты к тому же
Сам и виноват.
Если любят крепко,
Ссорятся нередко,
Так уж всё на свете
Выдумано, брат.
Но невыносимо,
Если нет любимой,
Этого, поверьте,
Нет страшнее мук.
Если даже муж он –
Никому не нужен.
И на белом свете
Так бывает, друг.

Вновь весна, хорошая такая,
Как и в прошлом памятном году,
По широким улицам шагает,
Вместе с ней и я, поэт, иду.
Я иду весёлый и мечтаю,
А о чём – не ведает никто!

Ветер потихоньку раздувает
Полы широченного пальто.

Не смешно

Друг уехал. Поезд ядовито
Подмигнул мне жёлтеньким огнём.
И пошли для бедного пиита
Времена плохие день за днём.
Девушка уехала недавно,
Я совсем остался не у дел.
Пароход бессовестный исправно
На прощанье басом прогудел.
И погода, к чёрту, изменилась,
Раньше было солнышко да свет,
А теперь, поди, скажи на милость,
Дождик есть, а просветленья нет.
Чёрт возьми, бывают ведь минуты,
Хочется припомнить, погрустить,
Жаль чего-то, плохо почему-то –
Невозможно даже объяснить...

Ещё раз о любви

Ах, любовь – лирические вздохи,
Томный шёпот, поцелуй, луна...
Счастья заваливавшиеся крохи...
И кому подобная нужна?!
Ненавижу пылкие тирады,
Мол, готов за вас пролить я кровь.
К чёрту крохоборов – тех, что рады
Принимать всё это за любовь!
По стандарту эти серенады
Выдумал глупейший из ослов...
Где любовь, там громких слов не надо,
Где любовь, тебя поймут без слов.
Красноречье для собраний бросим,
Им оно побольше подойдёт...
Мы любви не ищем и не просим.
Пусть она сама тебя найдёт!

Может быть, нагрянет счастье скоро
И умчится быстро, словно сон...
Вот, звоню по адресу «Аврора»,
Но молчит угрюмый телефон.
Не суди об этом слишком строго,
Объяснить никак нельзя всего.
Никогда не думал я, что много
Нежности у сердца моего.

В шумном и стремительном разбеге
Волны плещут пенную струю.

С вами я на берегу Онеги
Так запомнил молодость мою.
Ветер, ветер яростный и дерзкий
Налетает, в тополях гудя,
И в лицо моё бросает резко
Капли налетевшего дождя.
Вы со мной – мне ничего не надо,
С вами очень хорошо без слов.
Пусть прибой грохочет канонадой
У камней притихших берегов.
Пусть волна свирепо рвётся рядом,
Грозный вал обрушиться готов.
Вы со мной – мне ничего не надо,
С вами очень хорошо без слов.

За окошком темень,
Не видать ни зги.
И куда деваться
От лихой тоски.
Друга нету рядом
И любимой нет.
Много счастья надо
В восемнадцать лет.
У людей всё это
Было и прошло –
В сердце у поэта
Свой приют нашло.

Наконец узнало о покое
После штормов бешеных и бурь
Озеро – и тихое такое,
Нежная спокойная лазурь.
А вчера ещё ветрище резкий
Дыбил воды, бушевал и мял,
И вставал горой в свинцовом блеске
Неприветливый девятый вал.
Чёрных туч обрывки мчались низко,
Да стонали чайки над водой,
Канонадой яростной и близкой
Грохотал у берега прибой.
А теперь пишу себе стихи я,
И проходят тучи стороной...
Полно, так ли? И при чём стихия –
Это было, кажется, со мной.

Гладь речная дремлет в рамке леса,
Ивы куст склоняется к воде.
Поднимается туман белёсый,
Закрывая воду кое-где.

Нет ещё полуденного зноя,
Утра тишь в зелёном камыше.
Это наше, русское, родное,
Это есть у каждого в душе.
Старый лес нахмурился сурово,
В тени елей сыро и темно.
Капли крупные смолы сосновой
Облепили свежее бревно.
Гриб отважно выставляет ногу,
Мхом покрыты пни и валуны.
Мухомор нахальный понемногу
Наступает с правой стороны.
Вдалеке печалится кукушка,
Эхо вторит голосу её,
У огромной ели на макушку
Не спеша уселось вороньё.
А кругом всё звонче и светлее.
Слабо дрогнул лёгкий ветерок.
В небе синем облака белеют,
Обещая солнечный денёк.

За учёбой, работой, в споре,
В ясном свете хороших дней
Надо, друг мой, узнать и горе,
Чтобы счастье понять полней.
Помню: в годы войны солдатом,
Уходя, мой отец сказал:
«Только то человеку свято,
За которое сам страдал».
Мы простились без слёз ненужных,
Как прощались тогда везде.
Помолчали над полем вьюжным.
Он ушёл навстречу беде.

Склонились грустные рябины под окошком,
За ними даль – равнины да леса.
Идёт куда-то тропочка-дорожка,
Синеют холодом родные небеса.
И озеро, взволнованное ветром,
Так неприятно, сумрачно глядит.
Да, далеко до следующего лета...
Осенний лист кружится и летит.
Пора осенняя! Природа засыпает,
Не видно яркой зелени ветвей.
Откуда-то чуть слышно долетает
Печальный крик летящих журавлей.

Что ж, впереди работа и заботы.
Зима придёт, пушистый ляжет снег.

И пусть сейчас мне грустно отчего-то,
Но ведь не вечно грустен человек.
Да, впереди упорные исканья,
Задорный смех, хорошие мечты,
Я знаю: все исполнятся желанья,
Лишь только этого захочешь ты.
Вода сбегает с крыши ручейками,
И хлещет дождь по стёклам, словно плетть.
Мне хорошо, душою я с друзьями.
Я сяду у огня и буду петь.

Хорошо под вечер в тихом парке,
Хорошо, как не было нигде.
Вон по озеру плывут байдарки,
По притихшей глянцевої воде.
Звуки песни катятся по глади,
Старый парк шумит над головой.
И стоишь вот так, с восторгом глядя,
И за часом следует другой.
В этом парке детство промелькнуло,
Я был мал – меня со всех сторон
Парк приветствовал таким же ровным гулом,
Слышал я такой же говор волн.
Детский мир печалью не тревожа,
Так же мирно голубела гладь.
Здесь я понял красоту, быть может,
Может, здесь учился я мечтать.
Время шло. Зима сменяла лето.
Строились большие города.
Рос и я, и с дружеским приветом
Заглянул нечаянно сюда.
И меня приветливо встречает
Старый парк. Брожу до темноты.
Шум ветвей мне снова навевает
Детские неясные мечты.
Погостят и улетают мимо...
Парк заветный, я тебя найду.
До свиданья, может быть, с любимой
Снова я под сень твою приду.

Детям

На стене играет солнце,
Заглянувшее в оконце.
За окошком в свете дня
Воробьиная возня.
Над бумагой сидя, Вася
Белый дом усердно красит,
Дом хороший, дом с трубой,
С яркой крышей голубой.
На дворе трава растёт,
Возле дома – огород.

В огород забралась кошка
(Не видать её в картошке!)
И мяукает она,
Только Васе и слышна.
Вася улыбается
И всю старается.

Серебристый и пушистый
Снег валит с небес,
Укрывая камень мшистый,
Пеленая лес.
Убаюкивает ели,
Нарядил сосну.
Все деревья поседели,
Тихо лес заснул.
Призадумался глубоко
В шапке снеговой.
Лишь весёлая сорока
Затрещит порой
И зайчишку на сугробе
Напугает так,
Что от страха по чашобе
Убежит беляк.
На рябине оголённой
Снегири сидят.
Ветерок метёт студёный,
Белый листопад.

Жду ль чего, жалею ли о чём?

М. Лермонтов

Ничего особенного не было,
Никаких волнений и тревог...
Я приехал из селенья Реболы,
Пропылив по множеству дорог.
Встретившись случайно и нечаянно,
Подружились, сделались близки.
И сказала что-то невзначай она
На прогулке ночью у реки.
Голос дрогнул нежностью невольной...
О другом завёл я разговор,
А теперь от этого мне больно
И неловко очень до сих пор.
Мы тогда понять могли друг друга,
Но такого не хотелось мне.
Мы расстались. Милая подруга
Где-то в очень дальней стороне.
Ничего особенного не было,
Никаких волнений и тревог.
Зря покинул я селенье Реболы
И пылил по множеству дорог.

*Верить бы в загробь!
Легко прогулку пробную,
Стоит только руку протянуть,
Пуля мигом в жизнь загробную
Начертит гремящий путь.*

В. Маяковский

Апрельский воздух смутен и тревожен.
Сырые ветры гонят снег. Весна...
В просторной комнате, спокойно-насторожен,
Владимир Маяковский у окна.
Он вспоминает. Громкой эпопеей
Проходит жизнь, что взята им в боях.
И глохнет боль, становится тупее,
И что-то тёплое стоит в глазах.
«Да, путь большой – и вот конец... как глупо...
Ну что ж, раз выхода иного нет,
Я упаду; у изголовья трупа
Ненужнобрякнет тёплый пистолет.
Сбегутся люди, подступая ближе,
Замрут, концом поэта сражены.
А я – ни их, ни солнца не увижу,
Я не увижу радостной весны.
Ну что ж, пора... Затягивать нечестно,
И пользы нет от бесполезных дум.
Хотел бы я оставить миру песню,
Да только песня не идёт на ум.
А за окном любимый город стелется,
И очень радостно, должно быть, за окном.
Сейчас не промахнёшься мимо сердца,
Настолько болью полнится оно...
Сейчас – конец». В глазах туманно-серо,
Поплыла чернь разящих душу строк.
И, в грудь направив дуло револьвера,
Не дрогнув, твёрдо надавил курок...

«Мамита Юнай» (вариации)

Черна тропическая ночь.
Сидим мы вчетвером.
Гнилые мысли к чёрту, прочь!
Мы пьём.
Мы целый день в жаре, в поту
По камню ломом бьём.
А по ночам невоготу...
Мы пьём.
Кругом болота да леса,
Кругом змеиный рай.
Стянул нам туго пояса
Проклятый богом край!
Жестокой лихорадки дрожь
Товарищей трясёт.

Мы это вспомним – верный нож
Виновного найдёт.
В глазах туманно-горячо,
Искрится жёлтый ром.
Товарищ, наливай ещё!
Мы пьём.

«Мамита Юнай» – роман Карлоса Луиса Фальеса, 1941 г.

Из далёких миров

Тишь лесную громом разрывая,
Жаром пышет, пламенем горит,
Полыхая, грохая, взывая,
Ухнулся в тайгу метеорит.
Полегла тайга во всей округе...
Зверь бежал, сдыхал и гиб.
Поднапыжась, лопался с натуги,
Жара не выдерживая, гриб.
Вихри мчались, пели, замирали,
И в зловещем пламени огней
На земле печально остывали
Скопища невиданных камней.
В голубом воздушном океане
Тихо меркнет красный огонёк.
Мне сдаётся, это марсиане
Погостить прибыли на денёк.
Но земной не зная дикой силы,
Врезались – и нет следа.
Вероятно, так оно и было,
И не повторится никогда.

Жизнь, зачем ты такая сложная?
Я тебя полюбил навек.
Что-то радостное, тревожное –
Первый снег.

Стихи 1954 года

Ночью у Зимнего

Ночь настала.
Не спят влюблённые,
Ищут мест – потемнее где бы.
Александровская колонна
Упирается в чёрное небо.
А Нева стеснена гранитом,
Под мостами бежит, рокошет –
Словно очень она сердита,

Словно вырваться очень хочет.
Эту силу воды многотонную
Испытать, почувствовать мне бы!..
Александровская колонна
Упирается в чёрное небо.

Ночная мгла лежит над Ленинградом,
Закрыв собой дневную красоту.
Я вновь один.
И для чего мне надо
Стоять на Поцелуевом мосту?
Сурово небо. Равнодушны звёзды.
Я ухожу, сутулясь, в темноту.
Ведь одному
Не так легко и просто
Стоять на Поцелуевом мосту.

По улицам тихим мы долго бродили,
Свидания таял срок...
Мы оба молчали – за нас говорили
Пушкин, Есенин, Блок...
Потом попрощались мы на вокзале.
Я шёл домой, одиноко,
И думал – не всё о любви сказали
Пушкин, Есенин, Блок.

Уже окончилось коротенькое лето,
Но осень медлила. Стояла тишина.
И розовый кружился лист, и где-то
Неясная мелодия слышна.
Неярким ситцем небо голубеет,
Скворцы кричат и улетать хотят,
И солнце землю скуповато греет,
И паутинки в воздухе блестят.
Люблю мой город осенью. Покорный,
Люблю его задумчивую грусть,
Хожу по паркам, улицам просторным,
Любимый стих читая наизусть.
Знакомо всё, и ново в то же время,
И дорого душе моей – до слёз.
Брожу я часто улицами теми,
Где в юности с товарищами рос.
Волна о берег бьётся говорливо,
Шумят деревья блекнувшей листвой.
На берегах Онежского залива
Петрозаводск – любимый город мой.

Ярче неба синего,

Чище, чем слеза,
Светят под ресницами
Милые глаза.
Ласковые, нежные,
Как сиянье дня,
И чуть-чуть небрежные,
Смотрят на меня.
Ночью ли, при свете ли
Никому ни-ни,
Что меня заметили
Именно они...

В нашей жизни иногда бывает:
Повстречаешь человека ты,
И лицо его напоминает
Чьи-то очень близкие черты.
Словно с ним полжизни вместе прожил,
Будто бы давно уже знаком...
Просто это человек хороший
Повстречался на пути твоём.

Вечером, как водится,
Благодать и тишь.
Думается, бродится,
Иногда сидишь
В парке или около,
Слушаешь тогда,
Как синица цокала
На дрозда.
Девушка как девушка,
Синие глаза.
Только сердцу, девушка,
Я «люблю» сказал.
Ничего особого
Не произошло,
Только счастье побыло –
И ушло.

Кедры в Петрозаводске

Им нипочём, что дни стоят студёные.
Не кланяясь порывистым ветрам,
Вдоль улицы стоят они, зелёные,
Сбегая вниз, к онежским берегам.
Невысоки, строги и молчаливы,
Суровые, как зауральский лес,
На берега Онежского залива
Они попали из далёких мест.
И сразу стали каждому знакомы,
И видит каждый в сумеречной мгле –
Они себя здесь чувствуют, как дома,

Им хорошо на северной земле.

Да, мы расстались.
Этому причиной
Стать не могло
Смешное благородство,
Слова о том, что мы мужчины,
Что в нас с тобой
Так мало сходства.
Нет, трижды нет...
Каких искать причин?
Мы знаем истину. И мы молчим.

Улетают мартовские ночи,
Чтобы не вернуться никогда...
Да, мой друг, короче и короче
Жизни отведённые года.
Время движется ракет скорее
К неизбежному приходу тьмы.
Мы, конечно, очень постареем
И узнаем ли друг друга мы?
Вспомним ли о юности, о друге
В час, когда окончены дела?
Загрустим ли просто на досуге:
Встретиться судьба не привела?..

Наброски

1

Всегда, в любое время года
Красива Севера природа:
Белёсый, смутный свод небес,
Водою отражённый лес,
От времени седые скалы
Глядятся в воду. И, бывало,
Я сам бродил в местах таких,
Задумчиво слагая стих.
Прохладный ветер еле-еле
Несёт прозрачную струю,
Вершины сосен загудели,
Роняя старую хвою,
Ломая отраженье скал...
И здесь не столько я покоя,
Как вдохновения искал.
Когда в лучах цветы шептались,
Когда кружилась голова,
Тогда в душе моей рождались
Не раз хорошие слова,
Когда клонилась позолотой
Ко мне осенняя листва,

Я заносил в листок блокнота
Простые, грустные слова,
Когда шумела непогода,
Когда сердитый ветер выл –
Всегда, в любое время года
Я сердцем этот край любил.

2

Придя на берег утром свежим
И сдвинув лодку на волну,
Я плыл осматривать мерёжи,
Веслом пугая тишину.
Иль бросив якорь у обрыва,
Сидел часами молчаливо
И отдыхать спокойно мог,
На чуткий глядя поплавок.
И думал, думал... Но скучала
Душа моя в родном краю,
Волна пологая качала
Лодчонку старую мою...

3

За лесом багровело пламя,
Лениво тёмными листьями
Ещё шумел прибрежный куст,
Но лес был глух, суров и пуст.
Смолкало всё, терялись тени,
И белой ночи полумгла
В прохладном ветра дуновенье
На лес и озеро легла.
Костёр весёлый жгу в низинке.
Пузатый чайник на жердинке
Висит, плюётся на огонь
И фыркает, как добрый конь.
Свернувшись, у костра пригретый,
Спокойно сплю. Летает где-то,
Со свистом рассекая тишь,
Летучая слепая мышь...

Стихи 1955 года

Об атомной энергии

Положат топлива триста грамм –
«Пожалуй, ещё многовато...»
И будет этот самый уран
Годами давать киловатты!
Если у вас, предположим, рак
Или язва ещё там –
Придите к врачу: так, мол, и так –
Вылечат в два счёта.
Если же вы прокатиться склонны –

Корабль небесным фарватером
В секунду вас домчит до Луны,
А там гуляйте по кратерам.
Если и там тоска одолеет –
Поразвлекитесь немного:
Едьте в созвездие Водолея
Или ещё Козерога...

Я хочу, чтоб цвела сирень,
Чтобы пели нам соловьи,
Чтобы девушкам каждый день
Говорились слова любви.
Я хочу, чтоб войны слова –
Маскировка, блокада, фронт –
Потеряли на жизнь права
И спокойным стал горизонт.
Я хочу, чтоб в любимый край
Не ворвался огонь атак.
Я хочу, чтобы всюду – май!
И хочу, чтобы вечно так!

Дуб

Дуб. Лист. Тень.
Свет. Шум. День.
Что хмур вдруг?
Люд. Крик. Стук.
Зол пил визг.
Шарк! – дождь брызг...
Крен. Скрип. Вздох.
Треск. Дуб – грох!
Пот. Пьют. Тишь.
Дым. Муть. Лишь
Свет стал тускл.
Танк. Трос. Спуск...
Смолк шум. Даль.
Дуб – был. Жаль.

К***

Мы очень мало знали друг о друге,
Но, презирая предрассудков груз,
Мы встретились – и поданные руки
Пожатием скрепили наш союз.
Летела юность весело и шумно,
По-глупому кружилась голова,
А мы, встречаясь, говорили умно
Какие-то ненужные слова...
Вы мне казались строгой, и суровой,
И очень чистой – словно первый снег.
А я был совершенно непутёвый
И ни на что не годный человек.
Летели дни. Зима гоняла вьюги.

Я жил, работал, становясь грубей.
А вы учились где-то там, на юге,
И изредка писали о себе.
И через год увиделись мы снова.
Вы изменились – кажется, навек.
А я был всё такой же непутёвый
И никому не нужный человек...

Мороз весною лужицы
Одел в звенящий лёд,
А в синем небе кружится
Над нами самолёт.
И облака -- как пёрышки,
И небо голубей...
И продирает горлышко
Осипший воробей.
Снега не очень белые
Своей кончины ждут.
Звенящие и смелые
Ручьи бегут, бегут.

По улице, по Мурманской
Ручьи, ручьи, ручьи.
А воробьи весь день-деньской:
«Вы чьи? Вы чьи? Вы чьи?»
Весна не поворотится,
Повсюду даль ясна.
И в сердце кровь колотится:
Весна, весна, весна!

Вот они, белые ночи,
Ласковые, как дни...
Я их люблю, а впрочем –
Мне-то зачем они?
Тем хорошо, счастливым,
Кто не один сейчас.
Кто говорит молчаливо
С парой чудесных глаз.
Белые ночи. Пламя
Бледной зари. Туман.
Мне это всё как память,
Как дорогой обман...

Эшафотом твоё крыльцо.
Я стою (по счёту который?!).
Обещает твоё лицо
Приговор суровый и скорый.
Косы тонкой рукой теребя,

Даже словом не приголубишь...
Чересчур я люблю тебя –
Оттого ты меня не любишь.

Весна распоряжается, не мешкая,
Бегут ручьи, играя и шая,
И засинело озеро Онежское,
И зачернела голая земля.
Весна идёт неудержимым маршем,
И нет на свете радостней поры,
И тёплый свет в глазах людей постарше,
И радость бурная в глазёнках детворы...

Волна на широком гуляет просторе,
О чём-то далёком поёт.
Онежское озеро, ясные зори.
Здесь родина, детство моё!
Здесь белые вьюги зимою шумели,
Под снегом родные края.
Суровые сосны, мохнатые ели.
Здесь родина, юность моя!
Впервые любили здесь – крепко и нежно,
Впервые мечтали вдвоём.
Нам чайка махала крылом белоснежным.
Здесь родина, сердце моё!

В старой Вене

Десятками афиш и объявлений
Концерт немного зрителей собрал.
Седой старик на полутёмной сцене
Взволнованно Бетховена играл.
Старик больной, он еле встал с постели,
Нет, он не врач, но он лекарство знал.
И вот глаза его помолодели,
И в жизнь зовёт торжественный финал.
Гремят аккорды, бьются, нарастая,
Душа поёт, и ей не надо слов.
Слеза кипит, и сердце вспоминает
И молодость, и славу, и любовь!
Профессор кончил. Руки задрожали.
Упали ноты с шелестом страниц –
Перед собой старик увидел в зале
Десятка два тупых и сонных лиц.
Кольнуло сердце остро и знакомо.
Позёвывая, расходился зал.
Старик один пешком добрёл до дома,
Тихонько лёг. И больше не вставал.

Я знаком с тобою очень мало,

Но хотелось встретиться бы вновь,
Несмотря на то, что ты сказала
Только несколько обычных слов.
Так бывает в жизни очень часто:
Человек не скажет ничего,
Ничего не сделает, но счастье --
Близ себя почувствовать его...

В лесу

И летят пожелтелые листья,
И кружатся они, и шуршат.
Злой октябрь нашу землю выстелил,
А с деревьев сорвал наряд.
Небо серое, цвета стали,
Дождь кропит помертвельный лист.
Птицы песни петь перестали,
Позабросили звонкий свист.
Стынут в ямах чёрные лужи,
Ближе к вечеру волчий вой.
Ночью тёмной ветер и стужа,
Да Юпитер над головой.
По утрам в синеватом блеске
На траве иневатый снег.
Лишь река озорная в плеске
Продолжает обычный бег.

Покрыты мглою парки и бульвары,
И город спит, которым дорожил.
Мне кажется, что я ужасно старый,
Что много видел, много пережил.
Зачем такое, отчего такое,
Ведь жизнь светла, как русская река.
Неужто сердцу хочется покоя,
Дремотного покоя старика?
Нет, никогда! Минуются ненастья...
Я оттого сегодня загрустил,
Что очень мало видел в жизни счастья
И никого на свете не любил.

Воспоминание

Помнишь ли, с тобою мы бродили
До рассвета, позабыв о сне,
Говорили, спорили, шутили
О любви, о Блоке, о весне.
Вдаль вела нехоженная тропка.
Ты замолкла, косы теребя.
И тогда, не веря счастьем, робко
В первый раз я целовал тебя.
Через годы мы в минуту злую,
Многолюдный позабыв вокзал,
Вспомнили об этих поцелуях

И несмело подняли глаза...

Утро ненастное.
Ветер над кручами.
Солнышко ясное
Где-то за тучами.
Ивушка клонится,
Дремлет, плакучая,
Видно, бессонница
Ночью измучила...

Весна пришла. От ветров тёплых
Подсохла чёрная земля.
И отмывают люди стёкла,
И подстригают тополя.
Галдят на крышах воробьишки.
День ослепительно горяч,
И голосистые мальчишки
Гоняют с криком звонкий мяч.
Летят на север птиц ватаги,
Не зная родины иной.
Весна пришла – и треплет флаги
Апрельский ветер озорной...

Весна. Тополя. Тротуары.
Огни смутновато горят.
И ходят влюблённые пары,
И всё говорят, говорят...
Не знаю – прекрасно ли, худо ль,
Судить о тебе не берусь,
По-русски печальная удаль,
По-русски весёлая грусть.
Будь ты молодой или старый,
Весна всех равняет подряд.
И ходят влюблённые пары,
И всё говорят, говорят...

Вновь вливается в сердце прохлада.
Что прошло – то ушло навсегда.
Принимает порыв листопада
Красноватого цвета вода.
Я не помню, когда разошлись мы,
Этот день затуманен вдали.
Эти листья, как многие письма,
Адресатов своих не нашли.
Эти листья скосила осень.
Ну, а мы разошлись – как знать? –
Не с того ль, что от жизни просим

То, чего и не может дать.
С этим трудно сейчас помириться,
В это трудно поверить всерьёз –
Оттого так сегодня грустится
Облетающим кронам берёз...

В неподвижной лесной дремоте
Сухо щёлкнул взведённый курок.
Грянул выстрел. На тихой воде
Закачался убитый нырок.
Плыл над ламбой редяющий дым.
По воде расходились круги.
Я тогда ещё был молодым
И не думал, что буду другим.
Он конечен, живущего путь,
Доживу и до этого дня –
Грянет выстрел, не слышный ничуть,
Но направлен он будет – в меня.

По дороге ветром помело,
Завернуло пылью на село,
Задышало клевером с полей,
Задрожало в листьях тополей.
Засверкало на краю земли,
Загремело близко и вдали –
И пошёл отплясывать вокруг
Озорной весёлый перестук!
... Не гони его, не провожай,
Будет пляс, как снимем урожай!

Казалось, август был ещё вчера.
Он погостил – и за ворота вышел.
Желанная прозрачная пора:
Холодный иней на железных крышах,
Земля полна печальной красоты.
Давно отцвёл в полях багряный клевер,
С деревьев осыпаются листья,
И покидают птицы милый север.
Октябрь передаёт свои права,
Уже зима хозяйкой на пороге,
Осиротели звонкие дороги,
Природа ни мертва и ни жива.
И так невольно вспомнит голова
Смешной и грустной песенки слова:
Кого-то нет,
Чего-то жаль,
Куда-то сердце рвётся вдаль...

Огоньки не вечные,
Огоньки.
Мы встречались вечером
У реки.
У ограды каменной
Вдоль Невы
Клялись в дружбе пламенной
И любви.
Дни мелькнули лисами...
Где вы, где?
Клятвы были писаны
На воде...

Её глаза

Опять они, которым был я предан.
Опять судьбою вместе нас свело –
Прекрасные, как северное небо,
И лживые, как зимнее тепло.
Долой приметы, слухи, осторожность,
Когда в такие дни в твоей крови
Поёт мечта и манит невозможность,
Великая немыслимость любви!
Не потому ль, тревогой одержимы,
И юность жжём в оранжевом цвету,
За той мечтой, за той, недостижимой
Летим – и угасаем на лету.
Сейчас весна. Но поздно или рано
Придёт зима в морозах и снегу...
Я знаю, что меня опять обманут,
Но не любить, не верить – не могу.

Тихий вечер, сумерки в росе
Береги мне, память, береги.
Чёрное умытое шоссе,
Наши молчаливые шаги.
Юным быть легко и хорошо:
Время в эти годы не спешит.
Разговор словами – он смешон,
Разговор глазами – он страшит.
Юные, нелепые пути!
Уж не так и были вы просты.
Мне всегда хотелось бы дойти
До своей загаданной звезды.
Верю, не отчаиваюсь, жду,
Жаль, что не дано прожить века.
Я иду, я всё ещё иду.
А звезда всё так же далека...

Я уехал. Звала работа.
Ну, а вы – вы опять далеки.

Слышит улица Красного Флота
Невесомые ваши шаги.
Налетают морские ветры
На любимый наш Ленинград.
Между нами все километры
Золотой замёл листопад.
Вы идёте по улице старой,
Где старинный стынет гранит,
Где гуляют влюблённые пары,
Где Нева под мостами шумит.
Ну, а я брожу по болотам,
И хотя вы сейчас далеки,
Вижу улицу Красного Флота,
Слышу лёгкие ваши шаги.

Стихи 1956 года

Из серии о животных

Заяц

На ночлег собираясь,
Долго место искал,
Ковылял, озираясь,
И немного устал.
У дорожек лосиных,
У скрещения троп
Посидел под осиной
И махнул за сугроб.
Кто-то шёл осторожно,
Обходя березняк.
Было очень тревожно,
Было что-то не так.
И ударило дико!
И свинец просвистел...
Стихли жалкие крики,
Лишь валежник хрустел.
Из соседней лощины
(Там, где порох сожжён)
Шёл весёлый мужчина
С одноствольным ружьём.
Возбуждён, как мальчишка!
А у пояса сник
Непутёвый зайчишка,
Меховой воротник...

Волчица

Багровый закат предвещал пургу.
Чувствуя, что каменеет,
Она лежала в холодном снегу

И ждала, когда стемнеет.
Скрипучий ветер, в кустах юля,
Лап заметал отпечаток,
А ей мерещилось – это скулят
Оставленные волчата.
Кровавой лужей пылал закат.
И всё казалось голодной,
Что лишь добеги – и можно лакать
Вдоволь, сколько угодно.
Когда наконец наступила тьма,
Скользнула на сильных лапах
Туда, где люди и их дома,
На этот враждебный запах.
И, может, нынче бы ей повезло,
Ушла бы ночьюю глубиью,
Но лязгнули, в мясо впиваясь зло,
Железные злые зубья!
Полночи металась. Вперёд, назад...
Ну что ж... Пора покориться...
Закрыла глаза, а в глазах – закат,
Которому не повториться...

Белка

Не верь ему, пушистая, не верь!
Ты чуешь этот необычный запах?
Там смерть внизу, где этот странный зверь
Стоит, не шевелясь, на задних лапах.
Недаром шёл он снежной целиной
С той стороны, где лес не зеленеет.
Напрасно думаешь, что он смешной
И по деревьям лазать не умеет.
Смотри, уже он взялся за плечо –
Беги, беги, не дай спокойно целиться!
Удар! И зацепившись за сучок,
Висит, качаясь, маленькое тельце...

Лось

Тихое озёрко на рассвете,
Трель неугомонного дрозда
О подруге, о хорошем лете
И о том, что холодна вода.
Каменистой узкою тропою,
Ветки по пути не шелохнув,
Вышел лось поутру к водопою
И глядится, голову нагнув.
Дымно, лихорадочно и быстро
На другой озёрной стороне
Вдруг ударил браконьерский выстрел
В вековечной этой тишине.
Широко расставленные ноги
Гнутя наподобие травы –
Падает красавец круторогий,

Так и не поднявший головы.
Для него нет утра. Злая пуля
Принесла бессмысленную тьму.
Плечи по-охотничьи сутуля,
Кто-то приближается к нему...

Медведь

Увидев синий блеск стволов,
Медведь уйдёт – и был таков!
Но если бурый окружён –
Он лезет на рожон.
Он понимает – не уйти,
Раз люди встали на пути.
И гнев, и боль, и жуть, и страх
В тоскующих глазах!
И он бросается вперёд,
Когтями воздух слепо рвёт,
И под ружейный гулкий гром
Он падает ничком...
Стрелявший в сердце – очень рад,
Вручает другу аппарат,
А сам, на зверя наступив,
Смеётся в объектив...

Лиса

К ночи стало теплей и тише.
Вот прислушалась у норы:
Где-то рядом шуршали мыши,
Тонко плакали комары.
Если прямо теперь спуститься,
То, пожалуй, вон в тех кустах
Две большие вкусные птицы
Задремали уже впотьмах...
Посидела. Вздохнула. Встала.
Разминаясь, шла по бревну –
И неслышно, как тень, пропала
В сыроватую тишину.
Был недвижимым чёрный воздух.
Недоступного захотев,
Вниз на землю бросались звёзды,
Но сгорали, не долетев.
Ночь серела. Качались листья.
Беспощадно редела мгла...
Кто-то предал – и хитрость лисья
Осторожной не помогла.

Ястреб

Проплывал под солнцем, грея спину,
В небе был хозяином, вождём.
Только вдруг ударили дробины
Беспощадным жалящим дождём.
Увидал, сознание теряя,

Крыльями разбитыми юля,
Как летела на него сырая,
Чёрная огромная земля.
В забытьи мгновения промчались,
Он очнулся. Снова рассвело.
Подходили люди и смеялись,
Сапогом ступая на крыло.
Он молчал – ни слабости, ни крика.
Он лежал, откинувшись назад,
Лишь горели яростно и дико
Неземным презрением глаза.
Но огонь из воронёной стали
Почему-то не ударил, нет,
И смеяться люди перестали,
И ушли в тягучей тишине.
Жизнь кончалась. Жить осталось мало.
Сердце билось медленно, едва.
Голова поднялась – и упала,
Поклонилась небу голова.

Муха

Упрямо, лихорадочно и зло,
Гнусавя надоедливо и сухо,
Так безнадежно бьётся о стекло
Зелёная взъерошенная муха.
Утихнет, на мгновение замрёт,
Передохнув и плюнув на «ладони»,
Вновь загудит, как дальний самолёт,
И снова упадёт на подоконник...
Ей надо бы немного выше влезть
И через форточку лететь бы в поле –
Но нет. У мухи, очевидно, есть
Так называемая сила воли.
Уж ей и подыматься тяжело,
И нет ни сил, ни боевого духа,
Но уповает высадить стекло
Сознание теряющая муха.

Не хочу ни знать тебя, ни видеть;
И смеюсь, припомнится едва,
Как меня хотела ты обидеть –
Говорила резкие слова.
Что слова? Слова заглушит ветер,
Унесёт – и смелет в порошок.
Ты уйдёшь, а без тебя на свете,
Одному на свете – хорошо!

Уж третий час...
А я ещё не сплю –

Сижу опять над письменным ответом.
Я не люблю,
Нисколько не люблю –
И знать тебе давно пора об этом.
Ты письма шлѐшь.
Ты помнишь о былом.
Ты говоришь, что сердце – не железо.
Ты пишешь мне,
Что очень тяжело,
Когда с тобой я холоден и резок.
Ну что мне сделать?
Как сказать тебе,
Что от признанья сердце не забилося?
Ведь мне
В моей коротенькой судьбе
Такой вопрос решать не приходилось.
Ты не пиши. Не надо. Не зови.
Быть может, сердцем овладеет лучший,
И скажешь ты, что не было любви,
Припомнив этот невесѐлый случай.
Я буду рад, я буду очень рад
И напишу без горечи и смеха,
Что я люблю тебя, как старший брат,
И что желаю счастья и успеха.
Дни побегут – им потеряешь счѐт,
О прошлых днях пускай поплачет вьюга.
А мы с тобою встретимся ещё –
И дружелюбно взглянем друг на друга.

Лунная ночь

В такую ночь уходят без оглядки –
С любимой бродят, радостны, тихи...
А я сижу над синею тетрадкой
И о любви пишу для них стихи.
Я не взволнован никакою блузкой,
Но мне на стол пробрался свет луны –
И этот свет звучит негромкой музыкой,
Иль то в ушах звенит от тишины...
Я выхожу – мне невозможно дома!
Луна висит, зелёный свет струя.
И всё вокруг, как в сказке, незнакомо,
И кажется – в подводном царстве я.
Зелёный свет ласкает перекрёстки.
Подводная задумчивая мгла...
А вдруг Садко, купчина новгородский,
Навстречу выйдет мне из-за угла?
Я удивлюсь – но как-то не особо.
И сам-то я не в сказке ли живу?..
Возьмѐм гитару и пойдѐм мы оба,
Пойдѐм искать царевну-Волхову!

Песня

Ну-ка, друг, возьми трёхрядную,
Становись со мной вдвоём.
Грянем, что ли, песню ладную,
О Карелии споём.
Запевай-ка, друг, не мешкая,
Про метели да снега,
Про былинные онежские,
Про родные берега.
Эту землю защитили мы,
От врагов уберегли.
За неё в огонь ходили мы,
А иначе не могли.
Приходилось быть в походе нам
И в других, чужих краях,
Только всех милее родина
Несравненная моя!

В эвакуации

Война свирепела, гоняя теплушки
И вдоль по стране, и вкось.
Но смолкла за далью. В глухой деревушке
Детство моё началось.
Я помню отца запylённые плечи,
Шаги, огоньки, голоса.
Вопросы: «Откуда?» и вздохи: «Далече...»
Туман. Комары. Роса.
И всё подходили какие-то люди,
Брели голоса в ночи,
Вот женский заплакал: «Как жить-то будем?»,
Мужской приказал: «Молчи».
Я слышал, укpывшись полой тулупа,
Устроившись у окна,
Как все замолчали угрюмо и скупно,
Лишь кто-то сказал: «Война».

Отцу

И снова я в местах, где бегал в детстве,
И снова я топчу всё ту ж траву.
Смотрю вокруг, и мне не наглядеться
На ширь полей и неба синеву.
Весенний вечер потихоньку вянет.
Весенний ветер навевает сон.
Берёзы оголёнными ветвями
Заштриховали синий небосклон.
Уже дымятся мирным дымом трубы,
Поёт петух и звякает ведро.
И лишь для тёплых слов открыты губы,
Чтобы добром ответить на добро.
Туманы укpывают даль за далью.
И небесам за красоту дана
Заслуженною честною медалью
Сияющая бронзою луна.

И всё вокруг, наверно, так же было,
Всё то же небо куталось во мгле,
Когда отец ходил по этой милой
Зелёной замечательной земле.
Но он погиб под городом у Волги,
Где многие в то лето полегли,
Где вместо птиц чирикали осколки
В кустах косматых вздыбленной земли –
Чтоб так же солнце по утрам светило,
Мир просыпался в неге и тепле,
Чтоб мог ходить и я по этой милой
Зелёной замечательной земле.

Я бы сделался, верно, плохим,
Ну, а кем – не имею понятия,
Если я не писал бы стихи,
Я не знал бы по сердцу занятия.
Больше рук – веселее труды,
И невзгоды быстрее минуются,
А поэт за работой – один,
И никто за него не волнуется.
А работа – не легче других,
Иногда и строки не получится.
Чтобы дать добросовестный стих,
Надо думать, искать и мучиться.
Вдохновенье и чувства полёт
Как заменишь значками да точками?
И сидишь вот всю ночь напролёт
Над двумя неудачными строчками...

Было утро. И я был юным,
И смотрел за окно, смеясь –
Снег укрыл и очистил землю,
Всю осеннюю гниль и грязь.
Сердцу много ль для счастья надо?
Как ты вовремя, снег, упал!
Я смотрел за калитку сада
И смеялся, и пел, и ждал...
А чего? – Словно пели струны,
Словно кто-то шепнул мне: жди...
Только б снег этот чистый, юный
Никогда не померк в груди!

Журавлиная манит труба.
В небесах – путеводная нить.
Здравствуй, вечная наша судьба
Уходить, уходить, уходить...
Значит, время. Его не клянчу.
Ведь никто не сумеет помочь.

Что ж, сегодня опять не усну,
Украду я у смерти всю ночь.
Пусть не там, над простором полей,
Всё равно опрокину закон –
Удержу хоть на час журавлей,
Обману беспощадность времён.

Ушла, не взглянув на меня, не заметив
Нисколько.
Что ж, меньше одною любовью на свете –
И только.
Ударили тёмные двери вокзала
Нескладно.
Сама завязала, сама развязала –
И ладно.

После признания

Задрожала звезда в вышине.
Покачнулись внизу фонари.
Ты сказала вполголоса мне:
«Вот и всё. Что молчишь – говори!»
Наши тени четки на снегу,
Он пушистый и белый, как мел.
У тебя я остался в долгу,
Потому что солгать – не сумел.

Жизнь – атака, и слабых ждёт
Пулемётная злая нить –
Не всегда побеждает тот,
Кто себя не привык щадить.
Пусть ударит пуля в лицо,
Алой крови хлынет струя –
Но гордиться будут отцом
Крутоплечие сыновья.
И не взятый отцом редут
Одолеют, врагов рубя,
И по жизни своей пройдут
Точно так – не щадя себя.

Маленькая баллада

Не знал и не думал о близком конце.
И всё вспоминал солдат
О юном, таком невоенном лице,
Улыбку её и взгляд.
По каске стекали грязь и вода,
Но было ему тепло.
Шёл дождь. И стреляли. Брела беда.
Осколки звенели зло.
Никто не заметил, как он погиб.
Нашли медальон-кольцо.

И было неловко смотреть другим
На юное то лицо...

Отхрипела пропитая ночь.
Мы сидели в угаре туманном.
Как хотелось мне встать и помочь
Безнадёжно, безрадостно пьяным.
Но была тяжела голова,
Склонена на скрещённые руки –
И уже забывались слова,
И мечты, и любовь, и разлуки.
Уносились далёко и прочь
Неудачи, обиды, обманы –
Не затем ли мы пили всю ночь,
От судьбы заслоняясь стаканом...

Старый д`Артаньян

Он сидит одинок и пьян,
Мутный взор из-под шляпы – в тени.
И звенит, и пустеет стакан,
Ударяясь о зубы, звенит.
Стал и ты уже стар, д`Артаньян.
Ночь. Никто не раздвинет портьер,
Не поднимет уверенный тост,
Не придёт уже граф де Ла Фер,
Не придут Арамис и Портос...
А наутро – бессмысленный бой,
Просвистит и ударит свинец.
Что ж возьмёшь ты отсюда с собой,
По-солдатски встречая конец?
Что ты вспомнишь, рукой шевеля
Непослушную белую прядь –
Голубые глаза короля?
Иль забытую старую мать?
Нет, он вспомнит, оставив порог,
Уходя по последней стезе,
Даль звенящих бретонских дорог,
Благородные лица друзей.
И, смертельный встречая огонь,
Он почувствует радость в душе:
Ведь на этой земле для него
Ничего не осталось уже...

Уходя, оставила записку,
Слёзы заменя:
«Мой любимый, милый, самый близкий,
Не ищи меня».
Он пришёл с работы. И не снилось
О таком конце...
Но ничто, ничто не изменилось

На его лице.
Не найдя занятия достойней,
Тихий, как вода,
Думать стал, что одному спокойней,
Что ушли года...
А потом прохожие глядели
Сквозь колючий снег,
Как бежал и звал среди метели
Странный человек...

Пусть гроза тебя промочит
На большом пути,
Пусть во мгле осенней ночи
Милой не найти,
Пусть трудны в походе вёрсты –
Будем дорожить
Тем, что нам не так уж просто
На планете жить.

Листья

Бушевавший в тоске и свисте,
Мокрый ветер улёгся вдруг –
И роняют деревья листья
Из своих ослабевших рук.
Засыпают бугры и ямы,
Чтобы стала земля ровней,
Эти жёлтые телеграммы
О приходе осенних дней...

Дремлет лес, не шумит высокий.
Но, боясь грозных зарниц,
Суматошно бормочут сойки,
Неспокоен посвист синиц.
Лесу годы былые снятся,
Чует, старый, земли призыв.
Жизнь прошла – так зачем бояться
Надвигающейся грозы?..
Дремлет лес. Отдыхает мудрый.
А внизу, у отцовских ног,
Подрастает зеленокудрый
Солнца требующий сынок.
В небо тянется голубое –
«Подрасти бы скорей, а там –
Я закрою отца собою
И в обиду его не дам!».

Март

Пришла весна хорошая,
Отгаивает лица,

И человек калошами
Уже интересуется.
Уже ручей нечаянно
Бежит в дорогу длинную,
И воробьи отчаянно
Кричат по-воробьиному.
Автобусы тяжёлые,
Все огненные, жаркие,
Несутся, красно-жёлтые,
Врезаясь в лужи яркие.
На улицах по-разному
Грохочет сталь бульдозера,
Вода стекает грязная
По направлению озера.
Бегут ручьи звенящие,
В них солнце отражается.
И в эти дни пьянящие
Мечтается, мечтается...

Утром

Хмурое неласковое утро.
Ходят люди, разгоняя сон.
Огоньки сияют перламутром,
И сосульки виснут на балкон.
Воздух задержал тепло сырое.
Тихо так, что слышен птиц полёт.
Где-то скрипнет что-то, и порою
Капля громко шлёпается в лёд.
Солнце проглянуло меж домами,
Резкую очерчивая тень.
На столбе загрохотал динамик,
Бодрым маршем начиная день.

Опять весна. Охотничьи ночлеги.
Сухая прошлогодняя трава.
Безбрежна ширь взволнованной Онеги
И бесконечна неба синева.
Последний снег неторопливо тает,
Я тороплю его – скорей, скорей.
Уже летят истрёпанные стаи
Обыкновенных серых журавлей.
Летят, летят... Сюда, на север – к дому,
На ширь болот, на моховой ковёр.
Синеет неба неоглядный омут,
Вздыхают волны маленьких озёр...

Рассветает. Ни поздно, ни рано.
Лес в торжественной стынет красе.
Сыроватые клочья тумана
Выползают на гравий шоссе.

Словно гор голубые отроги,
Кроны елей глядят в вышину.
Я иду по знакомой дороге
И нарушить боюсь тишину.
Это чувство я знал лишь в детстве,
А потом позабыл – и вот
Снова хочется мне глядеться
В тихий отблеск озёрных вод.
Снова хочется знать такое,
Не узнаешь о чём из книг:
Что таится в лесном покое
И о чём говорит родник...
Снова хочется в час рассвета
Слушать славную песнь дрозда...
Но обидно, что кто-то где-то
Не поймёт меня никогда...

Нарядилась берёзка-красотка,
Самый лучший надела наряд.
По бокам – две угрюмые тётки,
Две суровые ели стоят.
Всё бормочут ворчливо и скупое,
Разговоры такие ведут:
«Не растрчивай молодость глупо,
Ведь вторую тебе не дадут».
Ну да что в наставлениях толку!
И берёзка всё машет рукой
Всем вокруг – но особенно долго
Молодому дубку за рекой.

Я ходил по тропам лосиным,
Мох зелёный ногой топтал.
Мне дрожащий листок осины
О печали своей шептал.
Монотонно гудели ели,
И, стараясь на все лады,
Мне любимые песни пели
Музыканты мои – дрозды.
Я лесного зверья не трогал –
И поэтому мне вослед
Посылала кукушка много,
Очень много хороших лет.

Я не прочь и сам бы
Без пути и карт
Убежать в леса бы,
В синеватый март.
Через ельник частый
По следам куниц

Шёл бы я по насту,
Слушая синиц.
Надо мною небо,
Тишина кругом.
И не надо мне бы
Больше ничего.

Ночёвка

Опять горит приветливый огонь,
Опять сижу у старого ствола.
И словно друга честного ладонь,
Кора сосны шершава и тепла.
Ночное небо – в непроглядной мгле,
Но кроны сосен более черны.
И ничего нет чище на земле
Такой простой и полной тишины.
Горит огонь, отбрасывая мрак,
Горит огонь, очерчивая круг,
И хорошо сидеть вот просто так,
Не опасаясь никого вокруг...
Падёт роса. Сторонкой шаркнетмышь.
Чуть задымит слабеющий костёр.
И сам не знаешь, спишь или не спишь.
Ночной покой объятия простёр...

Октябрь

Стал печальным рябчика свист,
Затуманилась неба синь,
И оранжевый лёгкий лист
Облетел с голубых осин.
Хмурый дятел на ветку сел
И, взглянув на мир свысока,
Застучал, засигналил всем:
«Торопитесь! Зима – близка!».

Я снова там, где был когда-то юным,
Опять топчу такую же траву,
И в этом свете, голубом и лунном,
Я снова радуюсь, что я живу.
В лесах позатерялась деревушка,
В которой не был, кажется, уж век,
И снова та же добрая старушка,
И снова тот же ужин и ночлег.
В дырявой крыше
Много звёздных пятен,
И так чиста лесная тишина.
Здесь я усну, и будет сон приятен,
И пусть его посторожит луна.
А утром, пробуждённый петухами,
Я вновь уйду –
Но возвращусь ли вновь,

Чтоб рассказать хорошими стихами
Всего два слова –
Родина. Любовь.

Встречный

Отлично сшит
Костюм его в полоску,
Благоухает аромат «Казбека» –
И трудно угадать
За этим лоском,
Какая там душа у человека.
Откуда угадаешь,
Чем он дышит?
Что думает?
Какие знает вести?
И можно ль жить с таким
Под общей крышей?
И можно ли
Идти в атаку вместе?

У каждого, верно, бывает такое:
Осилят невзгоды, наступит минута,
Захочешь покоя – и нету покоя,
Захочешь уюта – и нету уюта.
И скрыть не сумеет раздражения злого,
Что вечер ненастен, что други далече,
Ты скажешь в душе накипевшее слово
И руки опустишь, и сгорбятся плечи...
Но ночь уползёт непогожей тропею –
И ты откроешь окно на рассвете:
Не надо уюта, не надо покоя –
Да здравствует солнце, дорога и ветер!

Словно век проходит вечер,
Не горят в печи дрова.
Голос ветра бесконечен,
Фотография мертва.
Стихнет ветра голос грубый,
Прочь уйдёт гроза.
Улыбнутся эти губы,
Оживут глаза...

Всё как прежде.
Всё та же гитара
Шаг за шагом идёт за тобой,
В такт аккордов мелодий старых
Чуть колышется бант голубой.
С этой жалобной песней гитары
Я смеялся, и плакал, и пел,

И за странную этой забавой
Оглянуться на жизнь не успел.
А теперь даже песен не стало.
Жизнь прошла, обошла стороной.
И осталась лишь эта гитара
Долгим вечером плакать со мной.
Всё как прежде,
Вот только седеет,
Поникает моя голова,
Только голос дрожит, не умеет
Нанизать на аккорды слова.

Стихи 1957 года

Скоро придёт весна
Буйным и вольным сном,
Снег отряхнёт сосна
Там, за моим окном.
Солнечное житьё!
Звонкий весёлый лес!
Глупое вороньё,
Синяя даль небес.
Говор далёких стай,
Ветер шальной в лицо,
Неосторожный май,
Старенькое крыльцо...

Утра бледная позолота
Красит чёткие деревья.
На проталинах, на болотах
Всё бормочут тетерева.
Небо синее – бесконечно.
А у жизни – свои права.
Как мне хочется, чтобы вечно
Токовали тетерева.

Не забыть твоё лицо
В сумраке крыльца.
Говорят, любовь – кольцо.
Значит, без конца.
Всё возможно превозмочь,
Если (через век)
Повторится эта ночь,
Ты и первый снег...

Остались лишь прежних дней отголоски –

Цветы на твоём окне
И серое небо Петрозаводска,
Такое родное мне.
Леса. И озёра. Рыбачьи ночлеги.
Июльский звенящий зной.
Туманные волны седой Онеги,
Бегущие предо мной.

Заря предвещала нам новый свет
И встречи ещё не раз.
И мы расставались на десять лет,
Как будто всего на час.
Стараются скрыть, что счастье в руках,
Боясь ошибиться в том.
И мы говорили о пустяках,
А думали о другом.
И так было надо. Верней любить –
И мысли не выдать те,
Чем изменным словом навек разбить
Служенье своей мечте.
Я здесь. О печали поёт Онега.
Тоскуй, вспоминай, зови...
И память по-прежнему чище снега
И выше любой любви.

Разве точно упомнишь – где, как
Это было в середине века.
В тусклом свете бессонных комнат
Было многое сказано,
Было многое связано,
Слишком многое хочется помнить...
Люди жили. В горах, в долинах.
Душу их угадай, попробуй.
Люди лечат пенициллином,
Люди жгут водородной бомбой.
Были, есть (и умрут ли с нами)
Те, кто среднюю знал дорогу –
Заменял себе мир горшками,
Выше хлеба не зная Бога...
Мир был странен. Он мог и плюнуть
В те наивные наши души.
Мы имели мечты, да юность,
И готовность смотреть и слушать.
Те подножки, тычки и фиги
(На которые жизнь щедра так!)
Нам пока заменяли книги
И родительская зарплата.
Споры, милые споры наши!
Позабудешь за то их, что ли,
Что теперь мы побольше каши

Перепробовали и соли?!
Было. Странное это слово.
Но приходится примириться:
То, что было (и юность!), снова
Не имеет сил повториться.

Молодой д`Артаньян

В кошельке – ни гроша, как всегда,
Поистёрлись у шляпы края.
Только шпага остра и тверда
И верны, как и прежде, друзья.
Что ещё мушкетёру хотеть?
Разве худшее в жизни дано:
Мимо смерти сто раз пролететь –
И спокойно пригубить вино?
Он идёт, не боясь ничего,
Алый плащ завивая крылом,
А друзья поджидают его
В кабачке за соседним углом.
Через час из парижских ворот
Промелькнут (сосчитай седоков!) –
Только издали пыль донесёт
Сумасшедшее пенье подков...

Поклон журавли оттрубили,
С берёз облетела листва.
На тонких берёзах застыли
Угрюмые тетерева.
Ударил мороз. Засинело.
Так звонко, так тихо в лесу!
Берёзы дремали. Стемнело,
Не помню, в котором часу...

Я видел ручей лесной,
Он был неширок весной.
В жару не нашли бы вы
Его среди густой травы.
Под осень он был бы чист,
Но падал повсюду лист.
И даже под зимний вой
Ручей был всегда живой.
Я видел к нему следы –
Отведать его воды
Сюда приходил и лось,
И зайцу не раз пришлось,
Бывал тут медведь, и волк,
И мелочи целый полк:
Синички, дрозды, клесты
Купали носы, хвосты.
И сам я, устав с пути,

Старался скорей прийти
Туда, где, синиц звончей,
Задорно бежал ручей.
Ладони сложив в кольцо,
Я брызгал водой в лицо,
И жадно, как звери, пил,
И вновь набирался сил.

На рассвете, утром молчаливым,
Вдалеке от шума и людей
Я увидел посреди залива
Белоснежно-чётких лебедей.
И запала в сердце злая нега,
Вот она – всё дальше, всё больней –
Белизна нетронутого снега,
Невозвратность юности моей...

Стихи 1958 года

Если б в мире не было вокзалов,
Провожаний, шумной суеты,
Вероятно, жизнь бы потеряла
Половину нужной остроты.
Если б люди были неразлучны,
Навсегда, безвыездно, навек.
Им, наверно, было б просто скучно,
Не страдать не может человек.
Провожанья. Проводы. Разлуки.
До сигнала третьего свистка.
Словно чьи-то ласковые руки,
Сердце жмёт незваная тоска.
Ожиданий годы горбят плечи,
Но зато стократно дороги
И милы негаданные встречи
В заварухе жизненной пурги.

Мог бы жить, и желать, и мочь,
Да иная судьба моя –
Вот поманит шальная ночь,
И уйду – ведь бродяга я.
Ты дорогу мне обозначь,
Тёплый ветер родных полей,
Донеси мне весёлый плач
Возвратившихся журавлей.
Буду слушать зелёный шум,
Обнимать рукой тополя.
И повсюду, пока дышу,

Буду славить тебя, земля!

Костёр

Умирает, редеет огонь –
Язычок толщиной в иглу
Не осилил холодную сонь
И запрятался скорбно в золу.
Петушиный расправил бы хвост,
В небо бросил бы горсти монет,
Может, стало бы больше звёзд.
Только ветра всё нет.

Мутная холодная зима
Набросала снег на ветви верб.
Спят однообразные дома.
Дремлет одинокий тонкий серп.
Он висит в немыслимой выси,
Для него – хоть плачу, хоть горю...
Друг, чего ты хочешь попроси –
Я тебе и это подарю.

Быстрый смех за поворотом,
Чёткий стук в окно.
Ждёшь кого-то, жаль чего-то
Или – всё равно?
Все уйдут. Утихнут речи.
Отблеск пропадёт.
Не вернётся этот вечер
Или – вновь придёт?
Пусть придёт. Я буду старый.
Сникну у стола.
Загогочут самовары
С тёмного угла...

Стихи 1959 года

Так будет

Он оттолкнул ногою крышку люка –
В оранжевом скафандре космонавт.
И – тишина. Ни отблеска, ни звука.
Чужая, не земная тишина.
И чувство беспощаднейшей потери
Принёс ему в бессмертие скачок:
Ничтожный сгусток мыслящей материи,
Он ищет в чёрном небе светлячок.
Его всё нет. Но как забыть такое...

Фонарик бросил яркое кольцо –
И вспыхивает русское, земное
Смеющееся девичье лицо.
Под шлемом тихо шевелятся губы,
И электромагнитная волна
Нальётся звуком: «Я на Марсе, Люба...»
Но ту волну не примет тишина.
Когда огромный шар, багрово-алый,
Окрестность залил розовым огнём,
Он, космонавт, карабкался на скалы,
Свистел, и пел, и стучал молотком.
Но, завершив все порученья эти,
И верный своей цели и мечте,
Он двинулся к стартующей ракете,
Стоящей, как акула, на хвосте.
И за клубились огненные струи,
И, оторвавшись от тяжёлых гор,
В неведомую бездну неземную
Рванулся раскалённый метеор!
Туда, где ждали верно, неизменно,
Туда, где в несветлеющей дали
Чуть видимый на том краю Вселенной
Дрожал туманный огонёк Земли.

Возвращение космонавта

Он пробыл в полёте несколько лет,
Высокой введом мечтой,
Вернулся, бессмертный оставив след,
К той, что ждала. К той.
Он вынес, чему и названья нет,
Но было ему больней
У тысяч, даривших ему привет,
Решиться спросить о ней.
Тотчас опустились десятки глаз,
И жуток был приговор:
«Забыл ты, наверно... Сто лет у нас,
Сто лет протекло с тех пор».
Замолкли, скорбя о его судьбе.
Добавили тихо вслед:
«Мы всё узнали из книг о тебе,
А тех, с кем ты жил, – их нет.
Жестки у природы законы. Что ж...
Есть время жить – и сгореть».
Но он спокойно ответил: «Ложь.
Она – не могла умереть».
Смутились. И тяжело вздохнул иной, –
Но, клятве своей верна,
С глазами, наполненными весной,
Рванулась к нему она!

Был светлым мальчишеский взор –

Мальчишка родился в глуши,
У северных светлых озёр,
Где глухо шумят камыши.
Удел всех мальчишек – расти,
Покинуть родительский кров,
Большие дороги пройти
Под буйную песню ветров.
Хотя не боишься преград,
Они оставляют свой след –
Стал строже мальчишеский взгляд.
И сам он стал грузен и сед.
Но в городе помнил он лес.
И век в его взгляде не стёр
Тот самый задумчивый блеск
От северных светлых озёр...

Весенние ветры, открытые взгляды,
Тревога и дали в дыму –
Наверно, всё это кому-нибудь надо.
Кому это надо, кому?
О, я не знаком ни с деньгами, ни с лестью,
Отдам – ничего не возьму.
Кому эту песню, кому эту песню,
Открытую душу – кому?

Стихи 1960 года

Я буду умирать. Мне будет сниться сено.
Мне не поднять усталой головы.
Вся жизнь моя – разлуки и измены,
Печальный запах скошенной травы.
И пред глазами, нестерпимо синий,
Предстанет день, и солнца яркий свет,
И сам я, молодой, весёлый, сильный.
Я был таким. Тогда, в семнадцать лет.
Крылом незримым ветер в грудь мне машет.
Размерен ритм, рука моя тверда.
Свистит коса, и венчики ромашек
В отвал травы ложатся навсегда.
Я буду умирать. Я вспомню непременно
Не этажи и площади Москвы –
Заполнит душу лёгкий запах сена,
Печальный запах скошенной травы...

Не ловил в лесных ручьях форели я
И ещё не знал тебя ничуть,

Но уже ты снилась мне, Карелия,
И манил, как птиц, на север путь.
И когда дорогами бессонными
Отошла суровая война,
Мне запала в сердце потаённая
Вековая эта тишина.
Хорошо идти ночами светлыми
И в туманной той полутени
Наблюдать манящие приветливо
Вдалеке рыбацкие огни.
Хорошо весной по снегу талому
Пробираться к месту поскорей
И внимать, как гимну небывалому,
Переключке тяжких глухарей.
А когда прозрачной тихой осенью
Облетает алая листва,
Неужели в душу не попросятся
Ласковые, тёплые слова?
Сам я по себе немного стою,
Ты ведёшь, прощая и веля,
Я горжусь, что я в родстве с тобою,
Добрая карельская земля.

В кругу ли товарищей было,
В работе ль, в походах, в боях –
Он был атаман, заводила,
Рубаха, душа, весельчак.
Остёр в разговоре привычном,
Когда же встречался он с ней,
Он был до смешного обычным,
Как тысячи русских парней,
Которые вечно готовы
Шутить, и плясать, и дерзать,
Но девушке нежное слово
Не могут, не смеют сказать...

В Кончезере

С костром угас неспешный разговор.
И, прыгнув в лодку, вёсла мы берём.
Колеблющийся медленно простор
Зелёным светом зыбко озарён.
И плавным ритмом медленных гребков
Душа моя почти усыплена.
И лёг на всё таинственный покров.
Из тьмы веков вернулась старина.
И лодка – челн. И месяц – гнутый нож.
И триста лет для вечности – вчера.
И в сумерках товарищ мой похож
На первооснователя Петра.
С волною так и набежит вопрос:

Что изменили, собственно, века?
В воде всё тот же свет далёких звёзд,
И камня грудь по-прежнему крепка.
Но кончен путь. И заблужденье вмиг
Туманной дымкой улетает прочь:
Ворча, ползёт на гору грузовик,
Лучами фар отодвигая ночь,
В кино идёт очередной просмотр
(Как люди скоро к Марсу полетят),
И мой товарищ никакой не Пётр,
А выпускник, кончающий физмат.

Чему восторгаться? О чём стихи?
Бывали ль к тебе добры
Болота, где только седые мхи
Да тощие комары?
Какая ж у этой земли краса?
О чём же я напишу?
...Лишь ветер, до рези бьющий в глаза,
Да сосен тяжёлый шум.
Но всё-таки древняя эта статья
Задела в душе струну.
Она научила меня мечтать
И песней встречать весну.
Я зорче и пристальней в жизнь смотрю,
В стихах моих – нету лжи:
У птиц я учился встречать зарю
И песен не петь чужих.
Не этот ли ветер десятки лет,
Когда я рвался душой
Осенним кривым косякам вослед,
Меня уносил с собой?
Не эти ль болота, что вечно клял,
Когда одолеть не мог,
Не эти ль болота, даря привал,
Стелили мне мягкий мох?
...Люблю выходить в голубую рань,
В осеннюю эту синь,
Когда невесомый, как пух, туман
Застыл на ветвях осин.
И можно часами, забыв часы,
Уют городских квартир,
Смотреть на каплю такой росы,
В которой – почти весь мир.
И нету исхода, словно во сне,
Для ласковых, тихих слов.
Я каждой берёзе, каждой сосне
«Люблю» говорить готов...

Пора угаснуть утренней звезде,

Всё ярче означается восток.
И на прохладной розовой воде
Чуть вздрагивает чуткий поплавок.
Да, время. Окуням клевать пора б...
Чу – тихий плеск. Из ближних камышей
Крякуша, словно флагманский корабль,
Выводит несмышленных малышей.
Чёрт, прозевал! Взмах удилищем. Не ушёл, постой...
И чувствует уверенно рука
Упругий ход добычи под водой.
Чьё сердце не забьётся горячей,
Кто ликовать, как в детстве, не готов,
Когда заблещет в солнечном луче
Весёлый первый утренний улов!

Ты её знаешь, Карелию?
Знаешь её голоса?
Звонкою птичьей трелью
Утром гремят леса.
Гимном победным маю
В радостный тот мотив
Песню свою вплетает
Первый локомотив.
Пусть ещё резок сивер,
Но, на подъём легки,
Ставят на лодку кливер
Грузные рыбаки.
Лососем и форелью
Славится сторона...
Ты её знаешь, Карелию?
Люба тебе она?
Знаешь ты нашу осень?
В звонких лучах зари
Стынут на ветках сосен
Тяжкие глухари.
В чашах, в борах, в низинах
Ясным студёным днём
Словно горят осины
Жарким живым огнём.
Но холодно то пламя,
Те огоньки чисты.
В воздухе, под ногами
Листья, листки, листы...
Цвет их – как шкура лисья,
Падают, как стена,
Проливнем красным листья –
Смерть на миру красна!
Волны гудят тугие,
Песню поют свою.
Знаешь ли ты, какие
Люди в моём краю?

Не от ночей ли белых,
Тех, что несёт весна,
Стынет в глазах карела
Эта голубизна?
И не с того ль, что ветер,
Стужи, снега, мороз,
Ты не найдёшь на свете
Мягче девичьих кос!
Но не краса в почёте
(Впрочем, не видел – жаль) –
Ты посмотри в работе
Гибкую эту сталь.
Ты их послушай в песне,
В пляске лихой пройдишь,
Выйди же с ними вместе
Делать не деньги – жизнь!

Даже ночью, взглянув на звёзды,
Вдруг почувствуешь на лице
Невесомый, лёгкий, как воздух,
Лист упавший – весть о конце.
О конце голубого лета,
Птиц ликующей щебетни,
О конце золотых рассветов –
Всё уходит в дожде, в тени.
Увядания грустный запах
Наполняет уснувший лес.
Вся земля от листвы в накрапах,
И от туч не видать небес.

Она говорила: «Не по пути...
Ведь много же есть дорог».
И было мне лучше всего – уйти,
Но я... я уйти – не мог.
Она, конечно, была права,
Я сам понимал давно:
Любовь – когда человека два,
А счастье у них – одно.
Ведь я не вторым и не третьим был...
Но, на всё наплевав,
Я знал – всех вернее её любил.
И в этом был тоже прав.

Когда идёшь по улице, согретой
Вечерним тёплым воздухом с полей,
И различаешь чётко силуэты
Застывших на закате тополей,
Когда от окаянного заката
Ты взгляда не сумеешь отвернуть –

Нахлынет чувство, бывшее когда-то,
И тонкою иглой уколёт грудь.
И вспомнится такой же точно вечер,
И в памяти промчатся, как гроза,
И тополя, высокие, как свечи,
И полупозабытые глаза.

Был вечер. И в том полумраке
В глуши, от дорог в стороне,
Торжественно вспыхнули маки
И юность напомнили мне.
Пылало вечернее поле.
И дали за полем пусты.
Я думать не думал дотоле,
Что радости столько и боли
Вы мне принесёте, цветы.

С непонятной поволокой
Глаз осенних синева,
Взгляд, манящий издалёка,
Тонкий пояс, томик Блока
И – небрежные слова.
С ней легко и с нею – больно.
Этой болью дорожу.
Уходя, скажу:
– Довольно,
Жить хочу, как прежде, вольно! –
Только – снова прихожу.
Не видна, неуловима
Нить, связавшая меня:
Не могу назвать любимой
И пройти не в силах мимо...
Нет огня – не будет дыма,
И без дыма нет огня!

Невидимые стонут комары.
Костёр едва горит. Над головой –
Чуть различимый шум совиных крыл
И Млечный Путь рекою голубой.
Спокойно сплю. Привал привычный прост.
Запутался в еловых лапах дым...
А утром меня вновь разбудит дрозд,
И я уйду, и скроет мох следы.

По знакомой тропе уходя,
Зачарован лесной тишиной,
Вижу ясные капли дождя
В кружевах паутины лесной.

Под задумчивым сводом небес
В это утро у сонной реки
Мне доверчиво передал лес
Заповедные все тайники.
Эту землю и небо любя,
Но не в силах сказать ничего,
Ухожу, ощущая себя
Частью светлого мира сего.

По грибы

Закружится невесомый
Лист, и вдруг из сосняка
Мне опять мигнёт весёлый,
Хитрый глаз боровика.
И подальше, чуть в сторонке,
Словно в сером сапоге, –
Подберёзовик на тонкой
И единственной ноге.
А шага четыре сделай –
И едва ли удержишь крик,
Увидав прекрасный белый
Самый лучший в мире гриб!

Есть заветная тропка в лесу.
И по ней, неприметной такой,
Снова этой звенящей весной
Я весёлое сердце несу.
Я умею схватить на бегу
Все названья, слова, имена.
Но такая вокруг тишина,
Что нарушить её – не могу.
Если даже впаду в забытьё
В голубой наступающей мгле,
Я узнаю, я вспомню её –
Ту тропинку на талой земле.

По трущобам, лесам, болотам
С верным другом опять идём.
Здравствуй, страсть ты моя -- охота,
Сердце, взведенное курком.
Взгляд пронизывает деревья,
Ловит слух мой шелест лозы.
Пусть ведёт меня самый древний,
Заложенный в крови призыв.

Выстрел

В миг, когда рябчишка-однолетка,
Вынырнув из гущи ельняка,
Пышный и потешный, сел на ветку,
У меня не дрогнула рука.

Никогда он не разыщет пары:
Тёплый и трепещущий комок
Опрокинут огненным ударом
На осенний пожелтевший мох.
Но когда по редким алым листьям
Вверх уполз голубоватый дым,
В том лесу, досель родном и близком,
Я себя почувствовал чужим.

Я в лес уйду, там нету фальши:
Осенних листьев круговерть,
Взлетающий под выстрел вальдшнеп,
Простая жизнь, простая смерть.
Закон мужчины – только первым
Идти нехоженой тропой,
Идти, вникая каждым нервом,
Что ты здесь плоть от плоти свой.
Здесь всё твоё – кусты, деревья,
Озёра, заросли лозы.
Так пусть ведёт нас самый древний,
В крови заложенный призыв!
Я вновь уйду в леса, в болота.
Как голос предков мне знаком.
Насторожённый взгляд. Охота.
И сердце взведено курком.

Озеро Ринго

Вновь приводит крутая тропинка,
Покрутившись в сосновом бору,
На весёлое озеро Ринго,
Где вода холодна поутру.
Есть ли лучше рассветы, чем там?
Есть ли воздух свежее того?
День броди ты по этим местам –
И не встретишь в пути никого.
И как тень меж деревьев скользя,
Ты про все позабудешь печали:
Не нужны никакие друзья,
Коль ружьё у тебя за плечами.
Здравствуй снова, крутая тропинка,
Здравствуй, тонкий камыш на ветру!
Добрый вечер, весёлое Ринго,
От тебя вдалеке – я умру.

Я был бы, наверное, очень плохим
И мало бы в жизни стоил,
Когда б не спасали меня стихи
И Ваше лицо простое.

Снова август.
Меж высоких сосен
Спелых ягод красные глазки.
Снова осень, ласковая осень,
Мне твои веления близки.
Выйду рано в путь простой и вечный
Вдоль лесного звонкого ручья.
На плече тяжёл ремень заплечный,
За плечом синее сталь ружья.
И, сменив уютную квартиру
На шалаш охотничий лесной,
Улыбнусь я ласковому миру
Широко, открыто, всей душой.

Чуть померкнет свет утренних звёзд,
Станет розовым купол небес,
Запевают проснувшийся дрозд,
И вздыхает разбуженный лес.
Луч, прозрачный и алый, как лак,
В лес приносит полуденный зной,
Он растопит смолу на стволах
И пронизет весь воздух лесной.
А под вечер покроет роса
Каждый кустик, травинку и лист.
И покой, стерегущий леса,
Будет снова девически чист...

Нежданный гулкий глухариный вылет!
Сквозь золотую редкую листву
Ударил выстрел, дробь прошла навывлет,
Бесформенный комок упал в траву.
Всё так же был прекрасен мир рассветный,
Всё так же звонок птичий хор в кустах.
И капли крови были незаметны
На ярко пламенеющих листьях.

Товарищу

Вновь с тобой, дружище, нам бы
В день, когда земля пестра,
Посетить глухие ламбы,
Помолчать бы у костра.
Слушать ночью тёмной, лисьей
Одинокий скрип сосны,
Слабый, тонкий шорох листьев,
Видеть радостные сны.
В час, когда рассвет, как тина,
От тумана сыр и мглист,
Бодр и звучен крик утиный,
Звонок крыльев пересвист.
Вслед за дичью ходит дуло,

Дробь туман холодный рвёт.
И, разбуженное гулом,
Солнце из лесу встаёт.
Суше место примечая,
Выйдем в бор, пройдем грядой.
Там попьём лесного чая
Из брусники молодой.
И когда душа согрета,
Сонным воздухом дыша,
Вспомним то и вспомним это,
Не волнуясь, не спеша.
И задумавшись, на случай,
Не вздохнёт никто из нас,
Что прошёл, быть может, лучший,
Самый лучший в жизни час.
Только позже, через годы,
Потеряв всё это лишь,
Вспомнишь прежние походы
И невольно загрустишь.

У деда Федота

Коль затянется охота,
Набродившись всласть, отменно,
Я у старого Федота
Заночую непременно.
Дед встречает на пороге.
Как всегда босой, без шапки.
С лаем мчатся мне под ноги
Две взъерошенные шавки.
– Здравствуй, дед! – Ты тоже здравствуй!
– Как живёшь? – Как на курорте.
Проходи, стрелец, да хвастай,
Много ль пороху попортил.
Та же старая сторожка.
Стонут ветхие ступени.
Печь-лежанка, два окошка
И ружьишко на простенке.
Дед хлопочет деловито,
Достаёт посуду с горки,
Предлагает ядовитой
Сногшибательной махорки:
– Зелье – штука неплохая,
Все двенадцать хворей глушит...
И добавит, усмехаясь:
– А тринадцатую – душу...
Печка дышит ровным жаром.
Стёкла окон – словно льдины.
В ожиданье самовара
Мы пропустим по единой.
Закусив груздем солёным,
Скажет дед всё ту же фразу:
– Выпить – дело немудрёно,

Соль тут в том, чтоб крякнуть сразу...
Выпит чай. Пуста бутылка.
Сон крадётся тихим зайцем.
Дед, задумавшись, в затылке
Узловатым чешет пальцем.
И начнёт, помолодевший,
Про бывалую охоту!
Разбередит сердце, леший,
Хоть опять беги в болота!
Баснословные удачи,
Выстрел, даром не звучащий...
Дед клянётся – как иначе?
Он охотник настоящий!
Спать ложусь на мягком сене,
Небо – в падающих звёздах.
Голубеющий, осенний,
Снегом пахнет свежий воздух.
Веки смежит паутина...
Но во весь тот сон недолгий
Слышу ярый крик утиный,
Громыканье двустволки.
Утром – снова путь-дорога.
Дед покашливает глухо
И махнёт рукой с порога:
– Ни пера тебе, ни пуха!

Стихи 1961 года

Пусть время наше славится в сказаньях.
Ты, ветер странствий, нам в лицо повеи!
Суровый космос, родина дерзанья,
Прими своих отважных сыновей.
Пусть говорят, что наша жизнь мгновенна,
Но и безумству храбрых меры нет.
Пусть нет предела черноте Вселенной,
Но мы идём, и мы увидим свет.

13 апреля 1961 года

Любящей тебя

Проходя, ненароком обидишь
И уйдёшь, обсуждая своё...
Но случится беда – и увидишь
Ты бесценное сердце её.
Ты пройдёшь, на привет не ответишь
И случайно не взглянешь вослед.
А уйдёт вдруг она – и заметишь,

Что частицы-то жизни и нет...

Вы, наверно, навсегда ушли.
Вспоминаю, как о первом снеге,
Голос ваш на берегу Онеги,
Времена, что видно отошли.
Вальс, плывущий из далёких окон,
Солнце, утонувшее в лесах,
Тёплый ветер, золотистый локон
И мечту об алых парусах.
Я ещё не старый и не хворый,
Но уже не раз припоминал
Юность, ту, на миг один которой
Я бы всё, что нажил, променял.

Нет, я позабыть этот памятный случай
Не властен,
Как ты подарила мне маленький ключик –
На счастье.
Как ты говорила, в разлуку не веря,
Со мною:
«Тот маленький ключик всегда мои двери
Откроет».
Он в дни испытаний – как солнечный лучик
В ненастье,
Твой маленький ключик, серебряный ключик –
На счастье.

Мой друг

Я ухожу послушать звон сосны –
Он так похож на древние преданья.
А друг купил новейшие штаны
И ходит аккуратно на свиданья.
Я видел, как растёт в лесу трава,
Как сосны поднимают к солнцу лапы.
А друг мой утверждает: голова –
Всего лишь форма для ношенья шляпы.
Поймите правильно, я не противник мод,
Но друг мой заявляет очень хлётко,
Что лишь тогда стихи мои поймёт,
Когда сменю привычную причёску.
Мой друг! Не примирить, как видно, нас,
Я не найду в тебе единоверца –
Ты следуешь за тем, что видит глаз,
Я следую за тем, что слышит сердце...

Осени пышной пламя
Всё догорит – и пусть.
Но западает в память

И остаётся грусть.
Слушая эти рощи
В час затяжных дождей,
Станешь яснее, проще,
Ближе поймёшь людей.

Но – только тишь? И неужели
Сковали жизнь со всех сторон
Вот эти пасмурные ели,
Очаровал осенний сон?
Когда порой бывало грустно,
Я это так и понимал –
С большого жизненного русла
Поток свернул и задремал.
И в стороне, в глуби, в тишинке
Движенье стихло навсегда.
Цветут роскошные кувшинки,
Цветёт стоячая вода.
Но всё не так. И вид обманчив.
В глуби, светлы и горячи,
Там пробиваются, как раньше,
Вечнобегущие ключи!
Когда под танковые звенья
Ложились спелые хлеба –
Не оставалось в отдаленье
Селенье Спасская Губа.
Когда Москва сказала слово –
Оно на сердце горячо.
И следопыты, рыболовы
Винтовки брали на плечо.
Смотрели строгими глазами
На опустевший милый кров
И уходили в партизаны
По тропам дедов и отцов.
И возвращались непременно,
И вновь с упрямством родовым
Пилили тёс, рубили стены,
Пускали в небо первый дым.
И утверждали этим зримо,
Подняв лежащее в золе,
Что жизнь здесь – неискоренима,
На кровью пролитой земле.

Стихи 1962 года

Всё звучат в душе родные звуки.
Потому-то и боюсь всегда
Отдавать стихи в чужие руки.
Стих – он сын, любимый и живой,
А отдашь – и он уже не твой...

Вы, как и я, пройдёте
Суженый путь земной.
Жизнь – трепетание плоти,
К небу порыв смешной.
В дружбе, в любви, в работе
И в забытии вина.
Жизнь – трепетание плоти,
Кем-то предрешена.
Слава, победы, разум –
Скука, тоска, мираж.
Мир, что мы видим глазом,
Он далеко не наш.
Хочешь ты быть счастливым?
Будь же доволен всем.
Только звучит мотивом
Вечный вопрос – зачем?

Всё, что в жизни только ни встречали,
Всё, в чём сердце видело уют,
Радости, и будни, и печали –
Все они куда-нибудь уйдут.
Как бы отвязалось наважденье,
Скорбная лихая маета:
Пустота – до моего рожденья,
За мою смертью – пустота.

Оседают на сердце, как накипь,
Эта горькая соль укоризн...
Дорогая, позволь мне заплакать
Про свою невесёлую жизнь.
Жить я пробовал так и эдак,
Да, видать, времена лихи...
Очень хочется напоследок
Про тебя написать стихи.
Про твоё голубое небо,
Где плыла ты и где цвела,
И про радость, что долгой не была,
Только радостью всё ж была.
Вспоминай, не смеясь, не плача.
Стихнет ветер, уйдёт прибой.
Уж такая, видать, незадача

Получилась у нас с тобой.
Знать, свела нас плохая сватья...
Ну, а ты от неё отвернись –
Ты надень своё лучшее платье
И, как в юности, всем улыбнись!

Ещё не всё измерено,
Не все штилеты сношены,
Ещё не всё потеряно,
Ещё не всё разброшено.
Ещё не всё проверено,
Ещё не всё доказано,
Ещё не всем доверено,
Ещё не всё досказано.

Эти несколько ровных строчек,
Эти твёрдые да и нет,
Этот очень знакомый почерк
Возвращает мне двадцать лет.
И опять, молодой и сильный,
Задыхаясь, я к ней бегу
В наступающий вечер синий
На смолкающем берегу...

Легковейною тенью прошла
Через сад, через сердце моё.
Может, это она и была,
Только я не окликнул её.
В трепетании лёгких ресниц,
В лебединых изгибах бровей,
В алом пламени дальних зарниц
Ты осталась мечтою моей.

Весна дыханием невинным
Опять напоминает – жди.
Опять по листьям тополиным
Забарабанили дожди.
С тех пор, как мы расстались, верно
Воды ушло – неперечёт,
И надо полагать, наверно,
Ещё немало утечёт.
Но всем душевным напряженьем
Я понял это навсегда:
Как хорошо, что есть движенье,
Что не стоит уже вода!

Вновь следы лосиные

В дебри увели.
Красный подосиновик
Манит издали.
Осень щедрой птичницей
Вдоль лесных дорог
Жёлтою яичницей
Укрывает мох.

Засыпает озеро печально.
Тишина в подоблачном краю.
Серый рябчик, спой мне на прощанье
Озорную песенку свою
Я свистеть умею тоже разно:
Тиуу-фию-фию-фию,
Но тебя манком не передразню,
Песенку твою не оскорблю.
В жизни нашей многое случайно.
Встретимся – так снова позови.
Спой мне, рябчик, тихо и печально
Золотую песенку любви.

Цветёт немислимый июль,
Кружится голова.
Закружит голову твою
Июльская трава.
Движение замерло почти,
Не дышит всё пока.
В какую сторону пойти,
Не знают облака.
И коршун, солнцем пропечён,
Трепещет в дремоте
И позабыл уже, зачем
Он здесь, на высоте.
Кузнечики, кузнечики
Звенят, звенят, звенят,
И у березок плечики
Подрагивают в лад.
Они сплясали бы, да лень,
Они пошли б, да вот –
Уж больно жаркий нынче день,
Какой тут хоровод.
Жара исходит от земли
И сверху тоже льёт.
Лишь блещет озеро вдали,
Спокойное, как лёд.
Заройся в травы с головой,
Когда придёшь сюда,
Пусть пролетают над тобой
Минуты, как года.
Дыханье жизни ощути,

С ним вместе слей своё,
Чтобы не просто жизнь пройти,
А полюбить её...

Всё об одном, всё об одном
Горел закат, капель звенела,
Певица-иностранка пела.
И в темпе нежном и шальном
Звучало только об одном:
Ах, Ладзарелла, Ладзарелла...
Пусть мы не понимали фраз,
Но знали, что поют о счастье,
Поют о нежности, о страсти.
И голос тот звучит для нас,
И мы в его весёлой власти.
А ночь сходила за окном
В наряде подвенечном белом.
Пластинка бешеная пела
Всё об одном, всё об одном...

Всё знакомо мне в городе нашем,
Но под вечер на запад смотри –
Очертанья готических башен
Вырастают на фоне зари.
Знаю я – там простые квартиры,
В них – такие же люди, как я:
Кузнецы, маляры, бригадиры
Или сборщики утиля.
Но внушает мне вечер упрямо:
Во дворцах, что ушли в высоту –
Копьеносцы, прекрасные дамы,
Лязг цепей на подъёмном мосту.
Там поэты бряцают на лирах,
И в пыли, и в горячей крови
На звенящих клинках турнирах
Защищается право любви.
А наутро опять панорамы
Повседневная ровная нить...
И зачем мне прекрасные дамы?
Неужели без них не прожить?..

Волейбол

Девичий смех, аплодисменты дружные
Весёлым гамом полнят вечера.
И мнение у всех единодушное:
О, волейбол, отличная игра!
Взлетает мяч всё далее и далее,
Капризных жён протестам вопреки,
Все тонкости ведущейся баталии

Азартно обсуждают старики.
Сердца бывалых ветеранов трогая,
Игра к себе настойчиво влечёт...
Взлетает мяч, и юность легконогая
Минутам радости ведёт весёлый счёт.

Мы к большим скоростям привыкли.
Дети века – такие все.
На стремительном мотоцикле
Хорошо пожирать шоссе!
Ветер бьётся подбитой птицей,
Стрелка резко ушла за ноль...
Это верно – можно разбиться.
Друг мой, твёрже держись за руль!

Что ж сегодня припомнить мне?
Жил, как люди живут, как мог.
По родной своей стороне
Я немало сносил сапог.
Сторона, где родился и рос,
Где и начал, и кончу шаги,
Ты ответишь ли мне на вопрос –
Оправдал ли я те сапоги?..

Уходящая в сумрак дорога,
Тихий голос, поющий во мгле –
Как же всё-таки нужно немного
Нам для счастья на этой земле.
Пусть подруга тебя не дождалась,
Или друг изменил – ничего...
Не коснётся до сердца усталость,
Если сам не захочешь того.
Лишь всегда – и в рассвет тёмно-синий,
Ночью, днём ли, в жару и в мороз
Помни светлое имя – Россия,
Легконогие купы берёз.
Только с именем этим бессмертным
Нам с тобою и петь, и тужить...
Остальное становится мелким,
Без которого можно прожить...

Стихи 1963 года

Навек, наверно, в отсвете белёсом
Запомнилась родная сторона:

Прозрачный свет осинового леса
И строгая, как вечность, тишина.
Душой поймёшь, что лучшего – не надо
И незачем искать тебе чудес,
Когда дохнёт смолистою прохладой
В твоё лицо карельский старый лес.
В его тени и на полянах – в зное,
В размеренном шуршании хвои
Всё вечное, всё юное, земное –
Всё то, что и в твоей живёт крови.

Вот кто-то выключил закат,
И в окнах гаснет свет.
Все люди спят.
Все люди спят:
И кто родился день назад,
И тот, кому под шестьдесят,
И тот, кто прав, кто виноват,
И кто женат, и неженат...
А кто не спят?
Поэты.
Они
За спящий этот мир
В ответе.
Закончен день, земля мертва –
И на износ стучат сердца,
Стучат светло и звонко,
Стучат, чтобы найти слова
Для землепашца, для певца,
Для старца, для ребёнка.
Уж близок новый день. Горит
За далью солнца пламя.
Взойдёт – и мир заговорит
Рождёнными словами.
Словами –
Сердец кусками.

Пахари

Мы над прошлым немало ахали.
Я же вижу лишь так старину:
Вышли в белых рубахах пахари
Поутру поднимать целину.
На Ярило молились знахари.
Журавлиная пела труба.
На поля выходили пахари,
Золотые растили хлеба.
Золотые,
Зелёные,
Политые
Влагой солёною –
Не новью:

Потом, слезами, кровью.
Тебя ли, земля, не любили?
А чем ты платила?
Хлебушком.
И нет ни слаще его, ни горчее,
Все его ели –
И Ломоносов, и Аракчеев.
Не его ль чернозёмная сила
Понемногу росла и росла,
И окрепла, и стала Россией,
И знамёна свои понесла.

Не знаю где,
Не знаю как давно,
Не знаю чем меня приворожила.
Но думал я,
Что счастье – вот оно,
Когда она со мною говорила.

Стихи 1964 года

Сыну

Говорить научившись едва,
Он методы не знает иной:
Говорю я простые слова –
Повторяет он следом за мной.
Тараторит легко и светло,
Изучая словес ремесло.
Говорю я, что нынче тепло –
Повторяет он: нынче тепло.
Он не знает ещё тяжких дум,
Постигает, что можно-нельзя.
И послушен мне маленький ум,
И доверчивы эти глаза.
Как мне страшно порою за них –
Беззащитность хочу защитить!
Этот маленький чистый родник
Так позорно легко замутишь.
Беззаботна твоя болтовня,
Без оглядки гордишься отцом.
Ты зачем повторяешь меня
Смехом, голосом, взглядом, лицом?
О, мальчишечья страсть подражать!
О, ведущий по жизни герой!
Если мог бы ты, сын мой, понять,
Как мне трудно бывает порой.
Я всегда ли правдивым был? Нет.
Я грешил против мужества? Да.
(И уклончивый этот ответ:
Иногда, иногда, иногда...)

Вы видели, как падает сосна?
Уже подножье злая сталь грызёт –
Но тянет ветви к солнышку она
И, как корабль, под парусом плывёт.
В ветвях дремотных – сладостный покой.
Он пережил столетия – не миг,
Но человек толкает ствол рукой,
Звонящий скрип – как раненого крик!
И вот шатнулась гордая глава,
Летит стремглав сквозь ветви и кусты,
О землю бьёт. И вот она мертва.
Так человек жжёт за собой мосты.

Не оглядывалась никогда,
Хоть гонись за ней, не гонись...
Ну, пожалуйста, что за беда –
Оглянись!
Как смотрел на тебя иной!
Дорогая, не обманись,
Может, счастье прошло за спиной –
Оглянись!
Как угодно готов отвечать,
Только к просьбе моей склонись,
Хватит встречные взгляды встречать –
Оглянись!

Осенью

Всё стало яснее и проще:
Багряный роня узор,
Заплакали листьями рощи
В туманную воду озёр.
Обидно – ведь все изменили,
Летят и уходят, легки.
Болтая о солнечном Ниле,
На юг унеслись косяки.
И, ветер почуяв студёный,
Презрительно дующий вслед,
Ушёл молчаливый влюблённый,
Охотник, рыбак и поэт.
Лишь дятел с тоскою живою,
Не веря в приход весны,
Колотится головою
О звонкую медь сосны...

Апрель

Снег стал серым и пятнистым,
И бездонной – неба высь.
Лётом быстрым с лёгким свистом
Утки в небе пронеслись.
Провожая их глазами

Далеко, как захочу,
Словно вышел на экзамен,
Я волнуюсь и молчу.
Чем взволнован не напрасно?
Что там в мыслях далеко?
Самому ещё неясно,
Но отрадно и легко.
Вновь, как в памятные годы,
Несказанно хороши
Пробуждение природы,
Обновление души.
Рек свободное кипенье,
Уходящий в устья лёд,
Сердца смертного биенье,
Счастья ветренный полёт.

Припомни-ка, припомни-ка:
А сколько было раз –
Из радиоприёмника
Весёлый лупит джаз.
Мы ничего не делаем,
Сидим к плечу плечом,
И ночь такая белая,
И мысли ни о чём.
О счастье знаем, видимо,
Со слов в чужих томах
И будущее видим мы
Лишь в розовых тонах.
Героем бы! Поэтом бы!
Завидная судьба!
Парили мы. Поэтому
Была к нам жизнь груба.
И только там, запомни-ка,
Жизнь баловала нас –
У радиоприёмника,
Где пел весёлый джаз...

Рыболовы

В местном маленьком поезде
(Рейс – семнадцать минут)
Удивительны повести,
Удивителен люд.
По субботам, как водится,
(Не пропустишь её)
Здесь сбивается-сходится
Государство своё.
Царство редких фанатиков,
Их надежд и тревог,
Царство кепок и ватников,
Царство грубых сапог.
В рыбой пахнущих сумочках –

Блѣсны, хлеб да леса,
А в махорочных сумерках
Всѣ звучат голоса.
Спорят, с редкою страстью
Обсуждая одно:
Ах, рыбацкое счастье,
Улыбнѣтся ль оно?
Вечно сродственны душами,
Даже сходны лицом,
Ветерана послушали,
Пошутили с юнцом
И восторженно охали,
Расширяя зрачки:
Ох, какие там окуни –
Обрывают крючки!
Рейс – он долго продлится ли?
Подтянув пояса,
С посветлевшими лицами
Все уходят в леса.
Можешь твёрдо надеяться
Вот на этих людей,
Что последним поделятся,
Кроме банки червей.
Люди многое вынесли
В непогожие дни.
Их нехитрые вымыслы –
Да простятся они!
Вам, навеки влюблѣнные
В свежесть северных зорь,
Снова ночи бессонные
У безвестных озѣр.
Не изменят традиции
Ради новых затей
Настоящие рыцари
Неторѣных путей.

Стихи 1965 года

Зелѣные паруса

Есть в тебе откровения, осень,
Я давно перед ними в долгу.
На зелѣное золото сосен
Без волненья смотреть не могу.
Неподвижны литые колонны,
Но взгляни на вершины, взгляни:
Напрягаются пышные кроны,
Наполняются ветром они!
И кому не почудится это,
Если ты у деревьев в плену:

Паруса изумрудного цвета
Уплывают в другую страну?
Их отряд уплывает зелёный,
И напрасно назад не зови...
И забродит, как зов отдалённый,
Кочевое начало в крови...

Как жена ни ругала меня,
Этой страсти никак не избыть.
На пороге осеннего дня
Выхожу из крестьянской избы.
Опершись на некрепкий плетень,
Наблюдаю рассветную даль.
На плече – оружейный ремень,
За плечом – воронёная сталь.
В неизбывной и новой красе
Ловит лес пробуждение дня.
Верный пёс извалялся в росе
И призывно глядит на меня.
Мы пойдём, миновав крутояр,
На озёра, где много воды,
И багряный осенний пожар
Заметёт следопытов следы.
Что увидим – в душе сохраним,
И удачу, и ночь под дождём.
Мы вернёмся к любимым своим,
Но под утро мы снова уйдём.

Не волнуясь о маме ни капельки,
Позабыв про условленный час,
Мастерили мы с сыном кораблики,
И они уплывали от нас...
Были оба мы, видно, романтики:
Уводили нас вслед за собой
Паруса – карамельные фантики,
Пропадая в дали голубой!
Уплывали походкою плавною,
Уплывали, дразня и маня...
Ну, а где те кораблики плавают,
Что строгал мой отец для меня?
Жизнь идёт, и пора оглядеться,
Много сделано дальних шагов...
Где теперь вы, кораблики детства,
У каких золотых берегов?..

Бабушка Лермонтова

Который раз ей снова снится это –
Прошедшее и ставшее бедой:
Её Мишель под дулом пистолета,
Такой беспечный, сильный, молодой...

Он упадёт, как в поле спелый колос,
Который серп безжалостный скосил!
Позвать его – но замирает голос,
Закрыть его – но не хватает сил...
А тот, ещё недавно бывший другом,
Кто звал тебя по имени, Мишель,
Длиннейшую вытягивает руку,
Как на ученье целится в мишень.
А ты стоишь, забыв о страшном деле,
По небу взглядом радостным скользя...
Стреляй же, мальчик! О Мишель, не медли!
Быть благородным с подлыми нельзя.
Ты не стрелял. Лицо – белее снега.
Пробита грудь, и ни к чему хирург.
Хохочут скалы. Лопаются небо!
Сплетнелюбивый млеет Петербург...
Чья эта злоба? Чья слепая зависть?
Куда бы легче умереть самой.
Что царь? Он не мужчина, он мерзавец!
О мальчик мой, о милый мальчик мой...
О, я приду к тебе в твой мир печальный
По зову долгожданных божьих труб!
Я жду его...
Пуста опочивальня.
А за окном – тот самый тёмный дуб...

Из сборника «Начало» (1971 год)

Рыбалка

В марте лёд ещё не слабый –
Настоящая броня.
В голубую спину ламбы
Глухо бухает пешня.
Льдинки прыгают по-птичьи
По синеющему льду,
Звонким голосом синичьим
Рассыпаясь на ходу.
Вот и слой последний, донный –
И тотчас из-подо льда,
Клокоча освобождённо,
Вырывается вода.
Прорубь-лунка, не иначе
Завораживаешь ты
И предчувствием удачи,
И тревогой пустоты.
И пошаливают нервы –
Злое слово на губах.
На насадку суеверно
Чуть не молится рыбак.
От воды немеют пальцы,

Злющий ветер бьёт в бока
Безответного страдальца –
Горемыки-рыбака.
Ты терпи, рыбак, погоду,
Ты терпи, рыбак, мороз,
Ты сиди, рыбак, по году –
Сам пошёл, не чёрт понёс.
Подсекаешь – ну, спасибо! –
Леска дрогнула слегка,
И живую тяжесть рыбы
Сразу чувствует рука.
На весеннем синем насте
Алый окунь бьёт хвостом,
А потом – повалит счастье,
А потом уж, а потом...
Дело спорится как надо,
И мороза словно нет.
Оглянулся – вот досада:
День померк, и гаснет свет.
Что ж, домой. Гудит машина.
А в фургоне – дружный сбор.
Краснолицые мужчины
С чувством курят «Беломор».
Солидарное молчанье,
Лишь иной, дымком дыша,
Передёрнет вдруг плечами:
«Да, погодка хороша!»
Дома, чай, заждались жёны,
У плиты сидят, тихи,
И бурлит в котле лужёном
Кипяточек для ухи...

Живица

Снова мне и чудится и снится:
Глухари запели на току.
Выйдя поутру, по холодку,
Собирает девушка живицу.
Вспыхивают волосы льняные
В светлых бликах солнечных лучей.
Золотые брызги, золотые
И в глазах, и на руках у ней.
Звоном рассыпаются синицы,
Словно сотни маленьких часов.
Собирает девушка живицу –
Золотую кровь моих лесов.
Уходя в сиреневые пуши
И плутая в чаще день за днём,
Хорошо одаривать живущих
Сбережённым солнечным огнём.
Только так и стоит нам трудиться,
Постигая смысл в любом труде.
Лишь сумей найти её везде,

Лишь сумей найти её – живицу!

Этот миг, как бывает у всех,
Угадать не сумеешь заране –
Закружившийся снег,
Заблудившийся смех
И опять переулочек в тумане.
И опять та неопытность чувств,
Не дающая сердцу покоя.
И опять я боюсь и хочу
Светлой пряди коснуться рукою.

Стихи 1978 года

Закружившийся снег,
Заблудившийся смех,
Светит чьё-то жильё.
Твоё?
Тот же парк, тот же клён.
Я, как прежде, влюблён.
Но она не пришла.
Дела...
Что с того, если вдруг
Всё, как прежде, вокруг?
Что с того, если год
Не тот?
Я роняю в кусты
Покупные цветы.
Знать, сыграл свою роль
Король...
Погорю. Вздохну.
Я судьбу не кляню.
Жизнь уходит. Пусть так.
Пустяк.

Говорили люди:
Вот живи, старайся,
Чтобы не напрасно
Жизнь твоя прошла...
Обманула дружба,
Поманила юность.
Жизнь пообещала –
И не отдала.
Нас учили – верность
Праведна и вера.
Только миром правит
Та же суета:

Слава, сила, деньги,
Женщины, карьера –
А за всем за этим
Только пустота.
Что осталось, братцы?
Уж не так и мало.
Сдам свою я душу
На сохран в музей,
Ведь за эти годы
И она узнала
Откровенность редких,
Истинных друзей.
Ну и что ж, приятель,
Обманули люди.
Впереди, однако,
Есть один момент:
Говорят, за гробом
Ничего не будет,
Вот помру – проверю,
Правда или нет.

Стихи 1980 года

С годами становлюсь я старше.
Свила судьба крутой веночек.
Есть у меня сестра Наташа,
И значит, я не одинок.
Сестра моя. У нас с тобою
Всё детство рядышком прошло,
Петрозаводскою судьбою
Оно навеки нас свело.
Отец погиб. Мы жили с мамой.
Считал в порядке я, когда
Кусочек хлеба самый малый
Ей доставался, как всегда.
Я в годы те, хлеб уплетая,
Наверно, думал: ничего,
Ведь мама у меня большая,
Ну, а большие могут всё.
И я ещё не мог постигнуть
Той странной логики вещей,
Что раз сестрёнка-то помладше,
То значит, больше нужно ей.
Как в маминых глазах усталых
Были видны следы судьбы...
А мне теперь лишь стыдно стало
Вот этой старой стыдобы.
Прожив немало лет на свете,
Ты понимаешь неспроста,

Не красота, в конечном счёте,
Спасает мир, а доброта.

Из записных книжек разных лет

*

Только холодно в нашем краю,
Если дует северный ветер,
Если дует северный ветер,
Заметая аллею мою...

*

Не страшно умереть.
Представить страшно мне
Свою фамилию на камне...

*

Я верю – годы не проходят мимо
И оставляют добрый след, пока
Я чувствую себя необходимым,
Хотя уже намяла жизнь бока.
Что ж, будем ждать последнего звонка...

*

Стороной пленяюсь иною,
Птицы чертят небеса.
Первой жёлтой сединою
Осень трогает леса.

*

Напоминанием строгим, печальным
Счастья, висящего на волоске,
С горки сбегает короткий, отчаянный
След каблучков на остывшем песке.

*

Зиме возражать не смея,
Позёмкой метёт февраль.
Шипят снеговые змеи,
Ползут, извиваясь, вдаль.

*

Все уйдут. Никого не останется.
Дверь захлопнется за спиной.
Дождь заплачет, как старый пьяница –
Беспользый, седой, больной...

*

Чёрная разлучница –
Ночь стоит в окне.
Думаешь ли, веришь ли,

Помнишь обо мне?
Жизнь встречает грозами,
Бьёт стеною в грудь.
А хотелось розами
Выстелить твой путь...

*

Гаснет лампа. Сон клонит меня.
За окошками ночь и зима.
Всё бормочет старуха о днях,
О которых забыла сама.

*

Когда трещит затопленный очаг,
Когда уж не придёт ни брат, ни друг,
Я вспоминаю часто по ночам
О жизни, что уходит мимо рук.

*

Живым слыву, топчу траву.
А долго ли так маяться?
Уж век живу, кричу «ау» –
Никто не откликается.

*

Живёте так, живёте эдак.
А сердце ищет красоту.

*

Уходил скорый северный поезд.
Приближался свиданью конец.
Завершалась недолгая повесть
Наших юных и робких сердец.

*

Всё пройдёт и уйдёт, старина,
Но в стремительном яростном беге
Не забудем ни ты и ни я
Эти белые ночи Онеги.

*

Узким, лёгким и огненным вышит
Край небесный, предвестник огня.
Просыпается озеро, дышит,
Пробуждаясь для нового дня.

*

Я по стезе бессмысленной иду.
Живём ужели ради корки хлеба?
...Чего-то жду, всю жизнь чего-то жду,
Явленья Бога или камня с неба...